
УПРОЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЗИЦИЙ СССР

Международное положение СССР к началу 1944 г. и советские планы послевоенного мира

После встречи в Тегеране в отношениях между лидерами большой тройки сохранялась атмосфера дружелюбия и взаимопонимания. Это чувствовалось по тональности переписки между руководителями трех держав. «Конференция была весьма успешной, — писал Ф. Рузвельт И. В. Сталину, — она является историческим событием, подтверждающим не только нашу способность совместно вести войну, но также работать для дела всеобщего мира в полнейшем согласии... Наши личные совместные беседы доставили мне большое наслаждение и особенно возможность встречаться с Вами наедине». «Тегеранская конференция прошла с большим успехом... — соглашался И. В. Сталин. — Теперь имеется уверенность, что наши народы будут дружно совместно действовать и в настоящее время и после завершения этой войны»¹.

Действительно, к началу 1944 г. международное положение СССР заметно укрепилось, и немаловажную роль в этом сыграли замечательные победы на полях сражений, изменившие ход Великой Отечественной и Второй мировой войн. С января 1944 г. Красная армия начала наносить один за другим свои ставшие потом знаменитыми «десять сталинских ударов»: Ленинград и Новгород, Корсунь-Шевченковский, юг Украины, Крым и другие. Слаженно работала советская экономика, наращивая выпуск военной продукции. Все более ощутимым становился теперь уже не прерывавшийся поток поставок по ленд-лизу, нужных для вооруженных сил, народного хозяйства и населения страны.

Западные союзники, правда, не добились в Италии столь же впечатляющих успехов, как Красная армия, и не сумели с ходу преодолеть немецкую оборонительную линию Густава. Но, по крайней мере, они надежно закрепились севернее Неаполя, переживая там зимнюю непогоду, а с началом 1944 г. активизировали свои действия. Англосаксы явно выигрывали битву за Атлантику, вели широкое воздушное наступление на Германию. Развернулась подготовка к десантной операции в Северной Франции. На Тихоокеанском театре американцы и их союзники прорвали передовую линию японской обороны на островах в центральной и юго-западной части океана, не позволили японцам добиться успехов в Китае и Бирме. Экономика США, загруженная военными заказами, обеспечивала союзным армиям материальное превосходство над противником. Повсеместно крепло движение Сопротивления, поднималась волна национально-освободительной борьбы против захватчиков.

Салют в честь окончательного снятия блокады Ленинграда

Немецкая техника, захваченная в ходе Корсунь-Шевченковской операции

Немецкие пленные, захваченные войсками союзников в Италии

Бомбардировка немецкого города авиацией союзников

Коренной перелом в мировой войне стал очевидным фактом. СССР и его союзники прочно и окончательно овладели стратегической инициативой и теперь уже до конца войны определяли ход событий на фронтах. Эти кардинальные перемены были достигнуты прежде всего благодаря титаническим усилиям Советского Союза и его героической Красной армии при несомненном очень серьезном вкладе его западных союзников. Свою лепту внес и Китай.

В международных отношениях также происходили заметные изменения. Крепла антигитлеровская коалиция, и Тегеранская конференция ясно показала, что расчеты противника на развал этого союза потерпели крах. При всех сложностях и противоречиях большая тройка скоординировала свои военные усилия в борьбе против Германии и Японии и нашла общий язык по многим политическим вопросам, которые предстояло решать в военные и послевоенные годы.

В конце 1943 г. в состоянии войны с державами оси находилось 37 стран (СССР, США, Великобритания, Китай, Сражающаяся Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Бельгия, Греция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Чехословакия, Югославия, Индия, Филиппины, Ирак, Иран, Эфиопия, Боливия, Бразилия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Эквадор).

К концу этого же года еще семь государств разорвали отношения со странами оси: Египет, Саудовская Аравия, Венесуэла, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили. В противостоящем блоке числилось семь государств (Германия, Япония, Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, Таиланд, а также марионеточные правительства Словакии и Хорватии)².

Фашистско-милитаристский блок начал разваливаться. Италия перестала быть союзницей Германии, более того, объявила ей войну. Другие сателлиты фашистской Германии тоже стали искать пути выхода из войны.

Нейтральные страны, например Турция и Швеция, все больше сторонились держав оси, хотя и не прерывали с ними свои связи. Португалия предоставила англичанам базы на Азорских островах.

Испания, ранее формально считавшаяся «невоюющей стороной», на деле активно помогала Германии и даже отправила воевать на восточный фронт «голубую дивизию». За все время существования через дивизию прошли более 40 тыс. человек (по другим оценкам, более 50 тыс.). Но в 1943 г. режим Ф. Франко заявил о переходе на позиции нейтралитета, а в октябре — о возвращении своих войск домой. Без особой огласки на Востоке остался сокращенный контингент, так называемый «голубой легион» вместе с «голубой эскадрилей».

Союзники постарались закрепить эту наметившуюся тенденцию в политике Испании по свертыванию фактической военной поддержки Третьего рейха. Британский посол в Мадриде сделал «энергичные представления» испанскому правительству, настаивая на полном выполнении объявленного им решения об отзыве «голубой дивизии», предупредив, что иначе эти полумеры произведут «плохое впечатление» на Объединенные Нации. В этом же духе с испанским послом в Лондоне говорил министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Он отметил, что «испанское правительство портило результат любого решения, которое оно принимало в пользу союзников, путем принятия какой-либо контрмеры, которая фактически ликвидировала результат первого мероприятия». Об этих шагах британской дипломатии была информирована советская сторона³.

Если с державами оси страны мира одна за другой разрывали отношения или пытались дистанцироваться от них, то с Советским Союзом, наоборот, многие стремились установить, расширить и повысить уровень своих связей и контактов. Последнее, в частности, было особенно важно в случае с таким крупным государством и активным участником антигитлеровской коалиции, как Канада⁴.

В свое время, в 1924 г., Канада вслед за Великобританией признала Советский Союз, а затем так же, по примеру своей метрополии, в 1927 г. разорвала отношения с Советским государством. Их восстановление началось, когда СССР и Канада оказались союзниками

во Второй мировой войне. 5 февраля 1942 г. по предложению Москвы были установлены консульские отношения между двумя государствами, что должно было облегчить доставку грузов, переправляемых союзниками в СССР. 12 июня 1942 г. правительства двух стран договорились установить прямые дипломатические отношения и обменяться посланниками. Первым советским посланником в Оттаве стал Ф. Т. Гусев, до этого руководивший 2-м европейским отделом НКВД СССР (в августе 1943 г. он уехал послом в Лондон). Канадское представительство возглавил Л. Д. Уилгресс, до перехода на дипломатическую работу занимавший должность заместителя министра торговли и коммерции Канады.

Однако и этот уровень отношений вскоре перестал соответствовать потребностям двух стран. Тем более что с 1943 г. Канада напрямую участвовала в поставках по ленд-лизу в СССР, а ранее отправленные ею в Советский Союз грузы засчитывались в британскую квоту. 11 декабря 1943 г. уже по инициативе канадцев было заключено соглашение о преобразовании миссий в посольства. Первым послом Советского Союза в марте 1944 г. был назначен Г. Н. Зарубин, бывший глава Американского отдела НКВД СССР. В мае он прибыл в Оттаву и в следующем месяце вручил генерал-губернатору верительные грамоты. Канадская сторона соблюла преемственность, и первым послом Канады в Москве стал Л. Д. Уилгресс. Теперь две страны в полной мере могли решать вопросы двусторонних отношений напрямую, минуя Лондон и Вашингтон. Для Канады это было важное свидетельство утверждения ее самостоятельной роли на международной арене.

13 марта 1944 г. Л. Д. Уилгресс в беседе с заместителем наркома И. М. Майским заявил, что его страна не оспаривает право великих держав «играть первую скрипку в мировом концерте», но они «должны считаться с фактом существования в мире других стран, которые представляют силу второго порядка. Канада причисляет себя к таким государствам».

В канадском посольстве достаточно реалистично оценивали основные мотивы и цели послевоенной советской внешней политики. Л. Д. Уилгресс представлял себе картину послевоенного мира следующим образом: «...сильный Советский Союз со стратегическими целями; мирный послевоенный период реконструкции и восстановления; свободный контроль над Восточной Европой; предотвращение создания антисоветского союза в Западной Европе, учреждение англо-советского союза; и, наконец, постоянное ослабление Германии как военной силы»⁵.

11 февраля 1944 г. в Оттаве было подписано соглашение о принципах, относящихся к предоставлению Канадой военных поставок СССР, согласно закону Канады о военных ассигнованиях (о взаимопомощи Объединенных Наций) от 1943 г.⁶ Это соглашение закрепило роль Канады как важного источника военных поставок в Советский Союз, осуществлявшихся фактически на условиях ленд-лиза.

Последним британским доминионом вслед за Южно-Африканским Союзом (21 февраля 1942 г.), Канадой (12 июня 1942 г.) и Австралией (10 октября 1942 г.), обменявшимся в годы войны официальными представителями с СССР, стала Новая Зеландия. Эта страна была активным участником антигитлеровской коалиции. Ее войска воевали на Тихом океане, Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Новая Зеландия, ранее не имевшая каких-либо постоянных связей с Советским Союзом, в 1942 г. вступила в переговоры с Москвой.

13 апреля 1944 г. в Лондоне состоялся обмен нотами между высоким комиссаром Новой Зеландии в Великобритании и послом СССР в Великобритании об установлении дипломатических отношений между СССР и Новой Зеландией и обмене чрезвычайными и полномочными посланниками.

Сближение между Советским Союзом и Новой Зеландией, двумя союзниками в войне, было естественным и с обеих сторон диктовалось прежде всего политическими причинами. Такой шаг вполне соответствовал официально провозглашенному Москвой курсу на налаживание равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми, большими и малыми, государствами и готовности «жить в мире и дружбе» со всеми нациями. Интерес советского руководства к этой тихоокеанской стране был обусловлен предстоящей войной с Японией и возможностями обозначить свое присутствие в этом отдаленном регионе мира.

Ф. Т. Гусев

Посланник СССР в Канаде Ф. Т. Гусев и и премьер Канады

Определенным стимулом для Веллингтона в сближении с Москвой стали заключение англо-советского союзного договора в мае 1942 г. и активизация сотрудничества между участниками антигитлеровской коалиции в 1943 — начале 1944 г. Новозеландская общественность внимательно следила за происходившими событиями.

Миссия Новой Зеландии во главе с Ч. Босвеллом прибыла в Москву в августе 1944 г., и в том же месяце новозеландский посланник вручил свои верительные грамоты. Учреждение же советского представительства явно затянулось. Лишь в ноябре 1945 г., через полтора года после установления дипломатических отношений, советские дипломаты прибыли в Веллингтон. В декабре 1945 г. советский чрезвычайный и полномочный посланник И. К. Зябкин вручил верительные грамоты генерал-губернатору Новой Зеландии.

Правительство оккупированной нацистами Дании 22 июня 1941 г. разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Однако позднее возник «Совет свободы» — коалиция различных политических партий, фактически нелегальное правительство Дании. 18 апреля 1944 г. «Совет свободы» выразил желание восстановить отношения с СССР. Через пять дней советская сторона дала свое согласие (опубликовано 11–12 июня). Но теперь этот акт не касался Исландии (до 1940 г. состояла в личной унии с Данией), с которой дипломатические отношения были установлены отдельно 4 октября 1943 г. (произошел обмен миссиями, в декабре А. Н. Красильников был назначен первым посланником СССР в Исландии).

8 мая 1944 г. были установлены дипломатические отношения СССР с Коста-Рикой. Связи с этой страной осуществлялись через посольство в Мексике.

Во второй половине 1944 г. процесс расширения дипломатических связей СССР продолжался. Были установлены отношения с Сирией (21–29 июля), Ливаном (31 июля — 3 августа), Никарагуа (10–12 декабря), Чили (11 декабря). Теперь уже не Москва добивалась признания, а у нее искали поддержки те, кто нуждался в соответствующем международном статусе.

Непросто проходил процесс международного признания патриотического движения «Сражающаяся Франция» (до июля 1942 г. — «Свободная Франция») во главе с генералом Ш. де Голлем, которое ставило себе целью освобождение Франции от нацистской оккупации и коллаборационистского режима Виши. В ноябре 1942 г. было подписано соглашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи. С апреля 1943 г. эта эскадрилья (с июля 1943 г. — полк) «Нормандия» участвовала в боевых действиях на советско-германском фронте.

3 июня 1943 г. в Алжире был создан Французский комитет национального освобождения (ФКНО) как центральный руководящий орган, представлявший государственные интересы Франции в 1943–1944 гг. Идя навстречу пожеланиям ФКНО, Советский Союз выразил готовность немедленно заявить о его дипломатическом признании. Однако из-за неприязненных отношений, сложившихся у Ш. де Голля с У. Черчиллем и особенно с Ф. Рузвельтом, этот процесс осложнился. Признание ФКНО одновременно всеми участниками большой тройки состоялось лишь 26 августа 1943 г.

Различия в подходах союзников, однако, сохранялись и далее. Советский Союз признал ФКНО в качестве «представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании», по существу — в качестве правительства де-факто. Французская компартия (ФКП) также приветствовала создание Французского комитета национального освобождения, призывала к его расширению за счет деятелей движения Сопротивления из самой Франции. 3 апреля 1944 г. два представителя ФКП вошли в состав ФКНО. Однако американцы и англичане рассматривали ФКНО лишь как орган, управляющий теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть, и действующий в пределах определенных ограничений во время войны⁷. 2 июня 1944 г. ФКНО был преобразован во Временное правительство Франции, которое возглавил генерал Ш. де Голль.

Военные победы Красной армии стали основой укрепления внешнеполитических позиций СССР. В свое время в том же Вашингтоне могли отнести Советскую Россию «к кате-

гории ущербных, недостойных доверия государств, с традиционалистски-примитивной культурой, общение с которыми должно быть ограничено по максимуму во благо самого русского народа и ради сохранения здоровья американской нации»⁸. Но теперь, на пятом году мировой войны, занимать такую позицию едва ли мог себе позволить кто бы то ни было из серьезных политиков. Советский Союз был уже не тот, что в 1920-е или даже в 1930-е гг. Это была уже другая страна. Не та, которая всего несколько лет назад искала союза с тогдашними мировыми грандами, но ее протянутую руку могли высокомерно не заметить или лишь для вида вступить с ней в переговоры, заранее зная, что договоренности не будет. Не та, чьи законные интересы можно было игнорировать, а ее предложения и инициативы пропустить мимо ушей. И не та, которую предполагалось использовать как разменную монету в чьих-то циничных расчетах или даже как пушечное мясо, стравив с другим «раздражителем» мировой политики — нацистской Германией.

Конечно, еще ощущалось печальное наследие политики умиротворения нацистской Германии, проводимой западными державами перед Второй мировой войной. Памятна еще была и «дружба» СССР с гитлеровской Германией в начале этой войны. Многие возникшие или усугубившиеся в то время проблемы ждали своего решения. И все же к 1944 г. ситуация в корне изменилась. Произошедшее после 22 июня 1941 г. во многом заслонило болезненные события предшествующего периода. Героизм и мужество Красной армии на полях сражений Великой Отечественной войны были очевидны всему человечеству, еще недавно застывшему на краю пропасти, в которую его толкала гитлеровская Германия со своими союзниками. Советский народ, своим потом и кровью вершивший крупнейшие в мировой истории военные победы, громко заявил о себе. Растущее военно-политическое могущество Советского государства недооценивать или тем более игнорировать стало невозможно. СССР на глазах превращался не просто в великую державу, а в один из центров мировой политики, сопоставимый с тем, что представлял тогда англосаксонский мир.

Коренной перелом в войне и забрезживший впереди свет грядущей победы, предстоящее освобождение стран Европы от гитлеровской оккупации и возможные политические схватки за определение ее будущего подтолкнули советское руководство к тому, чтобы заранее публично выступить со своей внешнеполитической программой в отношении Европы.

Такая программа была изложена И. В. Сталиным 6 ноября 1943 г. в докладе на торжественном заседании в честь 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции: «Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остается неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчлененных фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобожденным народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры»⁹.

Те задачи, что были оглашены, в общем и целом соответствовали истинным мотивам Советского Союза, но в той степени, в которой последние не выходили за их рамки или тем

более не вступали с ними в противоречие. Ведь интересы различных государств и народов далеко не всегда совпадали.

В советской историографии изображение советской внешней политики зачастую получалось плакатно-глянцевым, в какой-то степени оторванным от действительности. При этом ничего не говорилось о том, что внешнеполитическая деятельность была направлена также на обеспечение безопасности СССР в послевоенные годы, признание его новых западных границ, утверждение в соседних странах дружественных режимов вместо довоенного санитарного кордона и т. п.

К 1944 г. советское руководство активизировало разработку планов будущего устройства мира¹⁰. В то время существовало три органа, специально занимавшихся послевоенным внешнеполитическим планированием. При Наркомате иностранных дел СССР были образованы: Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (глава — бывший посол СССР в США, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов), Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (глава — бывший посол СССР в Великобритании, заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский) и Комиссия по вопросам перемирия (глава — маршал К. Е. Ворошилов).

10 января 1944 г. руководитель одной из этих комиссий И. М. Майский направил народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову записку по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Гриф «совершенно секретно» позволял высказаться вполне откровенно. Подводя итоги собственным рассуждениям, изложенным в записке, И. М. Майский следующим образом суммировал свои мысли о желательных основах будущего мира:

«1) Общая установка: необходимо обеспечить СССР мир в Европе и в Азии сроком на 30–50 лет.

2) В этих видах СССР должен выйти из нынешней войны с выгодными стратегическими границами, в основу которых должны лечь границы 1941 г. Сверх того, было бы очень важно, чтобы к СССР перешли Петсамо, Южный Сахалин и цепь Курильских островов. СССР и Чехословакия должны иметь общую границу. Между СССР с одной стороны и Финляндией и Румынией с другой должны быть заключены пакты взаимопомощи с предоставлением СССР на территории названных стран военных, воздушных и морских баз. СССР должно быть также гарантировано свободное и удобное использование транзитных путей через Иран к Персидскому заливу.

3) Германия после войны должна быть оккупирована союзниками на срок не менее 10 лет, раздроблена на несколько более или менее независимых государств и подвергнута тройному разоружению — военному, индустриальному и идеологическому. На Германию должны быть наложены тяжелые репарационные платежи (в том числе трудом), а преступники войны в широком понимании этого термина подвергнуты суровому наказанию.

4) В остальной Европе не должно быть допущено создание отдельных государств или комбинаций государств с сильными сухопутными армиями. В послевоенной Европе должна остаться только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия.

5) Франция должна быть восстановлена как более или менее крупная держава, однако нецелесообразно содействовать возрождению ее былой военной мощи.

6) Италия должна быть сохранена как европейское государство (включая Сицилию и Сардинию), но без всяких владений в Африке.

7) Пиренейский полуостров не представляет сферы непосредственного интереса СССР, однако в плоскости общеевропейской политики для Советского Союза важно возрождение демократической и дружественной нашей стране республиканской Испании. С Португалией полезно было бы установить дипломатические отношения, что в обстановке послевоенной Европы, вероятно, произойдет само собой.

8) С точки зрения СССР нежелательно возникновение в послевоенной Европе различных федераций малых стран (Дунайской, Балканской, Скандинавской и т. д.).

9) Польша должна быть восстановлена как независимое и жизнеспособное государство, но по возможности в минимальных территориальных размерах. На Востоке в основу польско-советской границы должна быть положена граница 1941 года. На Западе допустимо присоединение к Польше всей или части Восточной Пруссии, а также некоторых частей Силезии. На этой базе Польша, если захочет, может присоединиться к советско-чехословацкому пакту.

10) Чехословакия должна быть по возможности усилена — территориально, политически и экономически. Ее следует рассматривать как форпост нашего влияния в центральной и юго-восточной Европе.

11) Венгрия путем пересмотра третейского решения о Трансильвании и другими способами должна быть сокращена в территории на базе строгого проведения этнографического принципа. На Венгрию должны быть наложены репарации, и в течение первых лет после войны она должна быть оставлена в состоянии международной изоляции.

12) На Балканах желательно заключение пактов взаимопомощи между Румынией, Югославией и Болгарией с одной стороны и СССР с другой. Отношения с Грецией в случае необходимости могут быть оформлены в виде тройного пакта между Англией, СССР и Грецией. Югославия должна быть восстановлена в своих прежних границах. Греция к своей довоенной территории должна добавочно получить Додеканес. Болгария должна вернуть Югославии и Греции аннексированные у них земли. Граница между Болгарией и Румынией должна быть установлена в соответствии с интересами СССР. Румыния и Болгария должны быть привлечены к платежам репараций. При проведении вышеуказанной программы необходимо соблюдение большой осторожности. Важно также избегать осложнений с Англией.

13) В Скандинавии в общем и целом должен быть оставлен предвоенный статус-кво, то же самое относится и к Бельгии и Голландии. СССР может не возражать против получения Англией баз в этих последних странах, однако получение Англией баз на атлантическом берегу Норвегии противоречило бы нашим интересам.

14) СССР заинтересован в сокращении влияния Турции, особенно на Балканах. Должны быть использованы все возможности для ослабления роли Турции в качестве «часового» на проливах...

15) СССР заинтересован в развитии и укреплении дружеских отношений с Ираном. Необходимо сохранение (с известными модификациями) тройного англо-советско-иранского пакта 1941 года, усиление советского влияния в северном Иране и создание международного органа для поддержки и развития транзитных путей через Иран.

16) СССР заинтересован в распространении и укреплении своего политического и культурного влияния в Ираке, Сирии, Ливане, Палестине и Египте, для чего должны быть приняты меры дипломатического и культурно-политического характера. В отношении пан-арабского движения следует занять позицию принципиальной благожелательности, но без оказания ему активной помощи. В своей работе в данных районах СССР должен избегать конфликтов и осложнений с Англией.

17) СССР не заинтересован в войне с Японией, но очень заинтересован в разгроме Японии англо-американскими силами. Наиболее правильным с точки зрения интересов СССР было бы маневрировать так, чтобы получить Южный Сахалин и Курильские острова в порядке генерального межевания карты мира после поражения оси без того, чтобы СССР был втянут в военные действия с Японией. Это нелегко, но не невозможно.

18) СССР заинтересован в расширении и укреплении дружественных отношений с Китаем, однако степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти в Китае в послевоенный период.

19) СССР заинтересован в том, чтобы послевоенный режим во вражеских и оккупированных врагом странах был построен на принципах широкой демократии. Для достижения этой цели допустимо известное воздействие на внутреннюю политику названных стран извне, в сотрудничестве с Англией и США.

20) СССР заинтересован в создании международных органов для сохранения мира и безопасности в послевоенный период, построенных на принципе руководящей роли большой четверки (СССР, США, Англия, Китай) и на возможности для этих органов в случае необходимости проводить свои решения в принудительном порядке. Бывшие вражеские страны в течение первого послевоенного периода в международные органы данного типа не должны быть допущены.

21) СССР непосредственно не заинтересован в вопросе о колониях, однако ему придется на мирной конференции и в других местах принимать участие в решениях по колониальному вопросу. Необходимо в срочном порядке подработать данную проблему.

22) СССР чрезвычайно заинтересован в помощи со стороны США и Англии в деле своего восстановления после войны. Переговоры по этому поводу следовало бы начать теперь же. Желательно обеспечить получение в течение 5–10 лет после войны наиболее нужных для восстановления товаров на базе займа-аренды, а менее нужных — в порядке долгосрочных кредитов»¹¹.

Изложенные в записке взгляды И. М. Майского, надо полагать, в основе своей разделялись многими представителями государственно-политического руководства СССР. Для этих взглядов было характерно следующее.

Во-первых, ясное осознание растущего могущества СССР, его новой роли на международной арене как силы, во многом определяющей облик и направление развития послевоенного мира, как одного из действительно мировых центров.

Во-вторых, четкое представление о государственных интересах СССР, по крайней мере как они тогда понимались. Главное — это конкретные политические, военные, экономические интересы своей страны (именно своей!). Не мифические образы мировой революции, которые еще относительно недавно доминировали в советской внутренней и внешней политике, и не абстрактные общечеловеческие ценности, к которым в будущем политики будут усиленно призывать мировое сообщество.

В-третьих, почти полное отсутствие идеологии (в смысле экспорта революции) или перенос связанных с идеологией задач на отдаленное будущее. Чтобы «Европа, по крайней мере континентальная Европа, успела стать социалистической», потребуется 30–50 лет. О пролетарской революции, конечно, упоминалось, но лишь изредка (вроде как для порядка) и без особой веры в ее неизбежность, тем более без указаний на необходимость ее подталкивания. К тому же порой в довольно неожиданном контексте, например, для решения проблемы народонаселения во Франции.

Даже в важнейшем вопросе о государственном строе стран Восточной Европы (шире: «государственном строе вражеских и ныне оккупированных врагом стран»), из-за которого потом будет сломано столько копий, интерес СССР в том, чтобы этот строй после войны «базировался на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта». Причем в странах Западной Европы и в Чехословакии эти принципы, скорее всего, утвердятся «без какого-либо давления со стороны». Иначе будет обстоять дело в поверженных вражеских государствах и в странах Восточной Европы. «Здесь, возможно, для создания настоящих демократических режимов придется пустить в ход различные меры влияния извне, т. е., в первую очередь, со стороны СССР, США и Англии». Но, понятно, не для строительства социализма советского образца. «Демократия в государственном устройстве стран является одной из существенных гарантий прочности мира, а ведь основной задачей союзников после нынешней войны должно быть построение новой, более эффективной системы безопасности в Европе, да и за пределами Европы». Так что «есть основания думать, что по вопросу о демократическом режиме в странах послевоенной Европы сотрудничество между СССР, США и Англией окажется возможным, хотя и не всегда легким»¹².

В-четвертых, господство геополитики, а не идеологии. Главная задача внешней политики — обеспечение безопасности СССР. «Нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира,

по крайней мере в Европе и в Азии»¹³. Поэтому первостепенное значение — обеспечение выгодных стратегических границ и военно-политических союзов. Вплоть до того, что Болгария может не возвращать Греции Дедеагач (греческий Александруполис) — порт на Эгейском море. Это «могло бы представлять интерес для СССР в случае заключения советско-болгарского пакта о взаимопомощи», так как обеспечило бы выход СССР к Средиземному морю в обход Турции и проливов.

В-пятых, готовность учитывать интересы западных союзников. Например, на Балканах, где Англия «чрезвычайно заинтересована» в Греции, а потому «в отношении Греции СССР следует соблюдать особенно большую осторожность». «Можно было бы попытаться разрешить проблему в порядке заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Англией, Грецией и СССР (по примеру Ирана)», а не настаивать на двустороннем греко-советском пакте. Советскому Союзу нет оснований возражать против того, что Исландия фактически станет «чем-то вроде доминиона США», а Англия захочет иметь военные базы в Бельгии и Голландии. Но если западные державы потребуют базы на атлантическом берегу Норвегии, то тогда в порядке компромисса то же самое должен получить СССР. На Ближнем Востоке «необходима известная осторожность, чтобы избежать каких-либо конфликтов с Англией (и США)».

Правда, в отношении Японии, вопреки очевидной заинтересованности союзников, в войну самим не вступать, предоставив «честь» разгрома Японии англичанам и американцам, а свои интересы обеспечить на мирной конференции дипломатическими средствами. Впрочем, это опять-таки геополитика: чрезмерное усиление союзников тоже ни к чему. Война с Японией заставила бы США и Великобританию «несколько подрастрясти свои человеческие и материальные ресурсы» и тем самым охладила бы «империалистический пыл США в послевоенную эпоху». Вдобавок «это было бы также нашим реваншем за позицию англо-американцев в вопросе о втором фронте»¹⁴.

В-шестых, расчет на сохранение после войны отношений сотрудничества и взаимопонимания с США, Великобританией и другими странами, что подтверждалось вышеприведенными примерами. Единственное, что может помешать — пролетарские революции в Европе. Вот тогда «основное противоречие капитализм — социализм выдвинется на первый план». Но если революций не будет (все рассуждения подводили именно к этому), то в первое послевоенное время «нет оснований ожидать, что отношения между СССР с одной стороны и США и Англией с другой будут плохими. СССР заинтересован в поддержании добрых отношений с США и Англией, исходя как из нужд своего хозяйственного восстановления после войны, так и из потребностей сохранения мира, для чего сотрудничество обеих названных стран крайне необходимо».

Из всего вышеизложенного следовал общий вывод о будущей политике Москвы: «Перед СССР вырисовываются примерно следующие линии возможной и желательной внешней политики в послевоенный период: укрепление дружественных отношений с США и Англией; использование в советских интересах англо-американского противоречия с перспективой все более тесного контакта с Англией; всемерное усиление советского влияния в Китае; превращение СССР в центр притяжения для всех подлинно демократических средних и малых стран и подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе; поддержание международной беспомощности Германии и Японии вплоть до того момента, когда и если эти страны обнаружат искреннее стремление к переходу на рельсы настоящей демократии и социализма»¹⁵.

В некоторых, и весьма важных, своих оценках и прогнозах И. М. Майский ошибся. Бросаются в глаза его пространные рассуждения о том, что США станут «твердыней в высшей степени динамического империализма, который будет энергично стремиться к широкой экспансии в различных частях света», тогда как Англия явится примером консервативного империализма, и думать ей придется в основном «не о новых завоеваниях, а о сохранении того, что у нее уже есть». Отсюда делался ошибочный вывод: «мировая ситуация в послевоенную эпоху будет окрашена в цвета англо-американских противоречий», при этом Англия

«явится фактором стабилизирующего порядка» и может понадобиться Советскому Союзу «для балансирования перед лицом империалистической экспансии США»¹⁶.

Есть в записке и другие не оправдавшиеся, сомнительные и спорные суждения и заключения, но в целом этот документ представляет несомненный интерес для понимания тогдашнего внешнеполитического мышления, присущего по крайней мере части советского государственно-политического руководства. При этом следует иметь в виду, что записка И. М. Майского относится к самому началу 1944 г., то есть к периоду до начала освобождения Советским Союзом стран и народов Европы.

Позиция СССР в отношении Германии и Италии

Из всех проблем послевоенного мирного урегулирования центральное место занимал германский вопрос. Задумываться о будущем Германии и об обращении с ней после победы советские руководители стали уже в 1941 г., когда это еще могло показаться несбыточными мечтаниями¹⁷. Чем ближе было окончание войны, тем злободневнее становился германский вопрос. Что делать с поверженным противником сразу после победы над ним и в последующий период? Какую политику и какими методами проводить? Как обеспечить согласованную позицию союзных держав, у каждой из которых были свои интересы, планы и замыслы, далеко не всегда совпадавшие?

Долгие годы, со Второй мировой войны и вплоть до конца XX в., германский вопрос оставался одним из главных в системе международных отношений. В своем развитии он имел ряд этапов. Как отмечается в отечественной историографии, «первый поворотный пункт в развитии если не самой истории, то, во всяком случае, предыстории послевоенного германского вопроса, поскольку это касается его «советского измерения», приходится на 1943–1944 гг., когда этот вопрос стал первостепенным объектом процесса политического планирования, когда впервые был сформулирован набор альтернативных путей и методов его решения»¹⁸.

Германский вопрос обсуждался в той или иной степени во всех трех комиссиях, созданных при НКВД для рассмотрения проблем послевоенного урегулирования. Причем высказывавшиеся их участниками мнения совсем не обязательно совпадали. Однако ведущую роль в выработке решений высшим руководством страны и в формировании реальных политических планов в отношении Германии играла комиссия К. Е. Ворошилова. Наиболее важные проекты документов, разработанные комиссией, утверждались лично И. В. Сталиным¹⁹. Советские документы по Германии после их детальной проработки в Москве передавались на согласование с союзниками.

На межсоюзническом уровне германский вопрос рассматривался в Европейской консультативной комиссии (ЕКК), учрежденной Московской конференцией министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. с местопребыванием в Лондоне. В нее вошли представители трех держав, которым предстояло председательствовать по очереди. Комиссия должна была «рассматривать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать по ним трем правительствам совместные рекомендации». Было высказано «пожелание, чтобы комиссия в качестве одной из первых своих задач как можно скорее выработала детальные рекомендации по поводу условий капитуляции» вражеских государств, а также «по поводу механизма, необходимого для обеспечения этих условий»²⁰.

Первое официальное заседание ЕКК состоялось 14 января 1944 г. Советский Союз в комиссии представлял посол СССР в Великобритании Ф. Т. Гусев, Соединенные Штаты — посол США в Великобритании Дж. Вайнант, Великобританию — глава Центрально-Европейского департамента МИД У. Стрэнг (позднее в состав комиссии вошел и представитель Франции).

Брошенная немецкая техника в окрестностях Рима

Американские войска в Риме

Согласно «пожеланиям» Московской конференции, одним из первых, обсуждавшихся в ЕКК, был вопрос о безоговорочной капитуляции. Саму эту идею впервые огласил президент Ф. Рузвельт 13 января 1943 г. на англо-американской конференции в Касабланке. Хотя высказывались определенные опасения в том, не усилит ли это требование сопротивление немцев, тем не менее оно стало официальной позицией Объединенных Наций. ЕКК с января 1944 г. разрабатывала проект текста капитуляции. Но сам этот текст (именовавшийся «Условия капитуляции Германии») был согласован только в конце июля 1944 г.

Очень важным, но весьма сложным был вопрос о расчленении Германии, который уже поднимался каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции и обсуждался между ними. С одной стороны, расчленение — вроде бы лучший способ наказать и ослабить противника, чтобы не допустить угрозы реванша в будущем. С другой, кто возьмет инициативу и ответственность за это если не перед нынешним поколением немцев, ассоциировавшимся с нацизмом, то перед будущими? И как это потом скажется на отношениях Германии (точнее, германских государств) с державами-победителями?

В соответствии с принятым в Тегеране решением большой тройки вопрос о будущем Германии был передан в ЕКК²¹. Уже на втором заседании ЕКК 26 января 1944 г. британский представитель заявил, что считает необходимым как можно скорее приступить к изучению вопроса о расчленении Германии, и предложил создать в этих целях специальный комитет, проект положения о котором был тут же представлен. Советский и американский делегаты в принципе не возражали, но ввиду серьезности вопроса было решено обсудить проект на другом заседании. 18 февраля состоялось третье заседание лондонской комиссии, на котором советский представитель не выразил готовности форсировать обсуждение положения о комитете. Больше на заседаниях ЕКК этот вопрос не поднимался.

Можно предположить, что одной из причин сдержанности советской стороны было иное понимание очередности задач, стоявших перед ЕКК. Как говорилось в советской ноте правительству Великобритании от 30 января 1944 г., комиссия должна в первую очередь заняться «изучением условий сдачи вражеских государств и вопросами создания механизма, необходимого для обеспечения этих условий». Очевидно, говорилось в ноте, что только после решения этих вопросов она могла бы приступить к детальному изучению проблем об обращении с Германией²².

Применительно к Германии ЕКК за время своей работы подготовила для правительств стран антигитлеровской коалиции ряд документов:

- проект соглашения о безоговорочной капитуляции Германии;
- предложения по разделу Германии на три оккупационные зоны, каждая из которых контролировалась бы государством-победителем, и о разделе Берлина на три сектора;
- о создании Союзного контрольного совета и о выработке его решений на основе консенсуса.

Документы свидетельствуют, что «советское планирование по германскому вопросу в период войны, если говорить о его магистральном направлении, было нацелено на продолжение межсоюзнического сотрудничества в деле ликвидации фашистского режима и восстановления демократического строя единой Германии; оккупация и разделение на зоны не были рассчитаны на длительное время и на интенсивное вмешательство с целью «экспорта революции»²³.

В конце 1943 — начале 1944 г. заметное место во внешней политике Советского Союза занимал вопрос об Италии. Требовалось определиться, как быть с этим недавним союзником фашистской Германии, одним из участников пресловутой оси Берлин — Рим — Токио. Известно, что свыше 200 тыс. итальянских солдат воевали в России. Многие из них там погибли, а примерно 60 тыс. оказались в плену. Италия первой отпала от гитлеровского блока, и теперь на ее примере можно было «отработать» модель отношений с поверженным противником и взаимодействия с союзниками по этому поводу. Эта страна важна была для военной стратегии англо-американцев, тем более рядом находились «любимые» У. Черчиллем Балканы. Оккупационная политика союзников должна была стать показательной с точки

зрения того, как они поведут себя в освобождаемых странах Европы, какие силы и режимы будут поддерживать, а какие — подавлять и отстранять и как поведут себя в отношении СССР²⁴. Для Москвы итальянский вопрос был не менее важен, поскольку в Италии набирала силу коммунистическая партия. Предстояло разработать стратегию действий коммунистов в новой исторической обстановке.

Ситуация в Италии и вокруг нее была сложной. Режим Б. Муссолини пал, а сам дуче поначалу оказался под арестом. Фашизму, казалось, пришел конец. Италия не только вышла из войны на стороне Германии, но и 13 октября 1943 г. объявила войну своему вчерашнему партнеру по Тройственному пакту, получив при этом статус «совоюющей стороны».

Союзники с их подавляющим преимуществом на море и в воздухе могли бы организовать десант чуть ли не в любой точке Апеннин, и тогда гитлеровские войска на полуострове оказались бы отрезанными от Северной Италии. Однако англосаксы, овладев Сицилией, в начале сентября высадились на самом юге итальянского «сапога». Немцы, надо полагать, вздохнули с облегчением. Они эвакуировали свои гарнизоны с Сардинии и Корсики и успели подготовиться к обороне. К концу 1943 г. линия фронта проходила к югу от Рима по линии Густава. Как отмечал командующий германскими войсками в Италии генерал-фельдмаршал А. Кессельринг: насколько благоприятны были предпосылки для союзников, настолько незначительными были их успехи. Большая часть страны оставалась под контролем Германии и марионеточной Итальянской социальной республики (Республика Сало), созданной Б. Муссолини в северных и центральных районах страны.

Медленное продвижение англо-американских войск в Италии, где им противостояли гораздо более крупные, чем в Северной Африке, немецкие формирования, имело свои последствия для планов Лондона и Вашингтона в Европе в целом. Стало окончательно ясно, что идея вторжения на Балканы, хоть и была уже официально отвергнута, но все еще лелеема У. Черчиллем, могла бы обернуться для союзников совсем не теми результатами, на которые они рассчитывали. Застряв не только на Апеннингах, но и на Балканах, англосаксы вполне могли «пропустить» в Западную Европу Красную армию, темпы и масштабы наступления которой были намного значительнее, чем у союзников на итальянском фронте.

Англо-американские войска активизировались в начале 1944 г. С января по май они несколько раз пытались прорвать линию Густава в районе Монте-Кассино и лишь с четвертой попытки добились успеха. 4 июня 1944 г., за два дня до высадки в Нормандии, союзные войска вошли в оставленный немцами Рим.

Для англосаксов как бы само собой разумеющимся было то, что вопросы, касавшиеся Италии, они обсуждали и решали между собой, без Советского Союза. Однако советское правительство задевало не только это обстоятельство. Совсем недавно, в январе 1943 г., сами же западные союзники выдвинули в отношении держав оси требование безоговорочной капитуляции. Но теперь, хотя Б. Муссолини и был отставлен, союзники имели дело с королем, который много лет сотрудничал с дуче, и маршалом П. Бадольо, верой и правдой служившим фашистскому режиму. Хотя союзники оправдывались и предпринимали какие-то шаги навстречу, в глазах Москвы прецедент был создан. И впредь западные союзники уже не могли упрекать русских, что те слишком много берут на себя в решении судьбы восточно-европейских стран.

На Московской конференции министров иностранных дел Великобритании, США и СССР 19–30 октября 1943 г. отдельно обсуждалось положение в Италии и политика союзников в отношении этой страны. В специально принятой декларации об Италии особо подчеркивалось: «Политика союзников по отношению к Италии должна базироваться на основном принципе: что фашизм и все его пагубные влияния и последствия должны быть полностью уничтожены и что итальянскому народу должна быть предоставлена полная возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократии». Были намечены конкретные меры для осуществления этой политики²⁵.

Конференция постановила учредить Консультативный совет по вопросам Италии. Он состоял из представителей СССР, США и Великобритании, а также Французского комитета

национального освобождения (в феврале 1944 г. в него были введены представители Греции и Югославии). Как отмечалось в коммюнике об итогах Московской конференции, опубликованном 2 ноября 1943 г., «этот совет будет заниматься повседневными вопросами, исключая военные операции, и будет формулировать рекомендации, рассчитанные на координацию политики союзников в отношении Италии»²⁶. Местопребыванием Консультативного совета был Алжир, а затем, по мере продвижения фронта на Апеннингах, — Палермо, Неаполь, Рим. Первое заседание состоялось 30 ноября 1943 г.

Поначалу Совет обсудил ряд существенных проблем, касавшихся прав Италии в качестве совместно воюющей стороны, использования итальянских вооруженных сил, чистки государственного аппарата и армии от фашистских элементов, судьбы военнопленных и других. Учреждение Совета давало возможность Советскому Союзу хоть как-то быть в курсе ситуации в Италии и воздействовать на нее. Однако реально властью и свободой действий в Италии обладали прежде всего англо-американская военная администрация (АМГОТ) и Союзная контрольная комиссия (СКК), призванная осуществлять надзор над выполнением условий перемирия. Консультативный совет все больше оттеснялся в сторону.

На втором заседании Совета 3 декабря советский представитель поставил вопрос о включении представителя СССР в Союзную контрольную комиссию, которая была создана 10 ноября. Однако союзное командование только 26 января 1944 г. одобрило назначение советского представителя в комиссию, оговорив его консультативные функции. В официальном меморандуме СКК от 31 января 1944 г. указывалось, что советскому представителю будут предоставляться копии докладов и корреспонденция по усмотрению заместителя председателя или начальников секций СКК. Таким образом, положение советского представителя было неравноправным даже в вопросе получения информации, не говоря уже об участии в принятии решений.

В такой ситуации советское руководство решилось на необычный ход для отношений между двумя государствами, еще недавно находившимися в состоянии войны и не подписавшими мирного договора. В начале января 1944 г. итальянское правительство, пытаясь укрепить свое положение, предприняло шаги, направленные на установление прямых контактов с руководством Советского Союза. Когда 7 марта 1944 г. правительство Италии обратилось с просьбой об установлении непосредственных отношений и об обмене представителями, советская сторона заявила о своем согласии.

Западные союзники выразили обеспокоенность таким необычным шагом советского руководства, предпринятым без консультаций с ними и в обход Консультативного совета и Союзной контрольной комиссии, которые являлись официальными органами для взаимодействия с итальянским правительством в соответствии с решениями Московской конференции.

Разъясняя свою позицию, советская сторона указывала, что «до настоящего времени советское правительство, не имея прямого контакта с итальянским правительством, находилось в неравном положении по сравнению со своими союзниками, установившими с начала перемирия прямой контакт с правительством Бадольо через свои многочисленные учреждения и многочисленных представителей на территории освобожденной Италии. Установлением прямого контакта между советским правительством и правительством Италии в некоторой мере устраняется указанное выше неравенство и обеспечивается возможность непосредственных сношений между ними, как это уже давно имеет место в отношениях между Италией и правительствами Великобритании и Соединенных Штатов». При этом подчеркивалось, что предпринятые шаги являются «установлением отношений с правительством П. Бадольо де-факто». Это «не выходит за рамки фактических отношений между обоими правительствами и является лишь оформлением этих фактических отношений. В силу этого было принято решение не об установлении дипломатических отношений между обоими государствами и обмене послами или посланниками, а лишь об установлении непосредственных отношений и обмене представителями между правительствами»²⁷.

П. Тольятти

Случившаяся коллизия, конечно, отозвалась на межсоюзнических отношениях. «Этот эпизод показателен. В нем зерна холодной войны уже посеяны, хотя и не проросли. Западные союзники самым откровенным образом оттирают огромную европейскую Россию от участия в делах страны, непосредственно участвовавшей в войне с ней. Американцы и англичане грубым образом исключили Москву из процесса принятия в Италии самых важных решений. Сталину было самым непосредственным образом указано, что Италия входит в сферу западных интересов»²⁸.

В марте 1943 г., одновременно с поворотом, совершенным советской дипломатией в отношении Италии, и, очевидно, в связи с ним изменили свою политическую линию и итальянские коммунисты. Открывшиеся российские архивы позволили отечественным исследователям документально подтвердить неслучайное совпадение этих событий²⁹.

Внутриполитическая ситуация в Италии отличалась запутанностью и неустойчивостью. Король Виктор Эммануил III и правительство маршала П. Бадольо, принявшие сторону США и Великобритании, теперь видели в них свою главную защиту. Наверное, больше всего они боялись мести гитлеровцев, которые уже показали свою способность к самым дерзким и решительным мерам для того, чтобы покарать изменивших им союзников. Это нашло подтверждение и в похищении и освобождении Б. Муссолини, и в потоплении впервые примененными радиоуправляемыми бомбами ушедшего к союзникам линкора «Рома», на борту которого, как некоторые предполагали, мог находиться король³⁰.

Профашистские элементы на освобожденной англо-американскими войсками территории Италии вынуждены были уйти в тень. Либералы, которые, по идее, могли бы заполнить вакуум власти, после многих лет фашистской диктатуры сами только приходили в себя. Всё громче заявляли о себе левые силы, прежде всего коммунисты. Они завоевали симпатии широких слоев своей самоотверженной борьбой против фашизма и теперь реально претендовали на участие во власти. Тем более что после роспуска Коминтерна коммунисты освободились, по крайней мере формально, от ярлыка «руки Москвы». Антифашисты создали комитеты национального освобождения (КНО), служившие им организационно-политической опорой.

Противостояние политических сил становилось все более очевидным. Широкое распространение в стране получили требования отречения короля и отставки правительства как выразителей интересов реакционных сил. С подобными призывами выступил Конгресс представителей антифашистских партий и комитетов национального освобождения, состоявшийся в январе 1944 г. в городе Бари, а вслед за ним прошедшая там же в марте конференция Итальянской коммунистической партии.

В этой сложной политической ситуации итальянские коммунисты, как многие и ожидали, поначалу заняли такую позицию: мобилизовать народ на борьбу против немецких оккупантов и остатков фашизма в Италии, добиваться немедленного отречения короля, отказаться от участия в правительстве П. Бадольо и разоблачать его политику, вести борьбу за создание временного демократического правительства с участием компартии. Об этом, в частности, писал лидер итальянских коммунистов П. Тольятти, подготовивший программный документ «Об очередных задачах коммунистов Италии». Однако эти установки оказались невостребованными.

В ночь с 3 на 4 марта 1944 г. И. В. Сталин принял П. Тольятти, который после пребывания в Москве должен был вернуться на родину. Исходя из необходимости согласования геополитических потребностей Советского Союза и политической линии своих коммунистических союзников в Италии, советский руководитель предложил следующее:

- «1) Не требовать немедленного отречения короля.
- 2) Коммунисты могут войти в правительство Бадольо.
- 3) Концентрировать свои главные усилия на создании и укреплении единства в борьбе против немцев»³¹.

Выдвинутые тезисы означали коренной поворот в прежней политической линии, проводившейся коммунистами в Италии. П. Тольятти потом так изложил сталинскую аргументацию новых задач итальянских коммунистов: «Существование двух лагерей (Бадольо-король и антифашистские партии) ослабляет итальянский народ. Это выгодно англичанам, которые хотели бы иметь слабую Италию на Средиземном море. Если и дальше будет продолжаться борьба между этими двумя лагерями, это приведет к гибели итальянского народа. Интересы итальянского народа диктуют, чтобы Италия была сильной и имела сильную армию»³².

В обстановке еще далекой от завершения борьбы с очень сильным и опасным врагом — фашистской Германией — И. В. Сталин на первое место поставил геополитические интересы: сосредоточение всех сил на борьбе с Третьим рейхом, а в перспективе — создание сильной Италии как определенного противовеса влиянию Великобритании в Средиземноморье. Война заставила отодвинуть борьбу за демократию и социализм на второе место. Ради укрепления единства итальянского народа в борьбе против гитлеровцев коммунисты могли войти в правительство П. Бадольо, а вопрос об отречении короля отодвигался на будущее. Этими же соображениями диктовалось и установление прямых отношений СССР с итальянским правительством.

19 марта Москва обратилась к Вашингтону и Лондону с меморандумом, в котором отмечалось: на данном этапе правительства трех союзных держав выступают за сохранение правительства во главе с П. Бадольо в расчете, что оно обеспечит проведение в жизнь мероприятий по объединению демократических и антифашистских сил Италии в интересах усиления борьбы против общего врага. С другой стороны, отрицательное отношение к нынешнему правительству различных политических групп и течений не может быть преодолено без определенной реорганизации и улучшения итальянского правительства в соответствии с их пожеланиями. «Исходя из желательности и необходимости скорейшей ликвидации раскола в лагере политических групп и течений, расположенных сотрудничать с союзными демократическими странами, — говорилось в меморандуме, — советское правительство предлагает правительствам Великобритании и Соединенных Штатов предпринять шаги к возможному объединению всех демократических и антифашистских сил освобожденной Италии на базе соответствующего улучшения состава правительства Бадольо»³³.

В марте П. Тольятти вернулся в Италию и стал вдохновителем новой политики компартии. 12 апреля король Виктор Эммануил III объявил об отречении от престола и передаче полномочий своему сыну Умберто в день, когда союзные войска войдут в Рим. 22 апреля было сформировано правительство национального единства во главе с П. Бадольо. Резиденцией совета министров Италии пока оставался Салерно (Рим был освобожден только 4 июня). В сформированное правительство национального единства вошли и коммунисты, а П. Тольятти стал министром без портфеля.

Так не без «советов» И. В. Сталина компартия Италии совершила поворот к политике национального единства в борьбе против фашизма и за демократические реформы. В истории эти события стали называться «поворот в Салерно».

СССР и страны Восточной Европы

3 января 1944 г. передовые части Красной армии вышли к довоенной польско-советской границе, существовавшей до 17 сентября 1939 г. А 5 января в Лондоне было опубликовано заявление эмигрантского правительства Польши по вопросу о советско-польских отношениях. Позиция польского руководства в этот период сводилась к следующему: линию Керзона не признавать, возможен пересмотр границы 1921 г. при условии оставления за Польшей Львова и Вильно и установления до мирной конференции не границы с СССР, а демаркационной линии, к востоку от которой администрацию осуществляет советская сторона под контролем западных союзников, а на неоспариваемых территориях — польское правительство.

11 января последовал ответ советского правительства. В нем говорилось, что советско-польская граница была установлена в соответствии с волей населения Западной Украины и Западной Белоруссии, выраженной на плебисците в 1939 г., и таким образом была исправлена несправедливость, допущенная Рижским договором 1921 г. в отношении украинцев и белорусов, которые составляли на соответствующих территориях подавляющее большинство населения.

Советское правительство, отмечалось в документе, неоднократно заявляло, что «оно стоит за воссоздание сильной и независимой Польши и за дружбу между Советским Союзом и Польшей... на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения и, если этого пожелает польский народ, на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши»³⁴. Этой задаче могло бы послужить присоединение Польши к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. При этом успехи Красной армии на советско-германском фронте несут освобождение Польше и другим народам. В этой борьбе уже участвуют «Союз польских патриотов в СССР» и созданный им польский армейский корпус.

В заявлении подчеркивалось: «Теперь открывается возможность возрождения Польши как сильного и независимого государства. Но Польша должна возродиться не путем захвата украинских и белорусских земель, а путем возвращения в состав Польши отнятых немцами у Польши исконных польских земель. Только таким образом можно было бы установить доверие и дружбу между польским, украинским, белорусским и русским народами. Восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона, которая... предусматривает вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав Советского Союза. Запад-

ные границы Польши должны быть расширены путем присоединения к Польше исконных польских земель, ранее отнятых Германией, без чего нельзя объединить весь польский народ в своем государстве, которое получит тем самым и нужный выход к Балтийскому морю. Справедливое стремление польского народа к своему полному объединению в сильном и независимом государстве должно получить свое признание и поддержку». Далее в советском заявлении утверждалось, что эмигрантское польское правительство «оказалось неспособным установить дружественные отношения с Советским Союзом... организовать активную борьбу против германских захватчиков в самой Польше» и даже «нередко играет на руку немецким оккупантам»³⁵.

Как известно, вопрос о восточных границах Польши обсуждался на Версальской мирной конференции 1919 г., где была создана специальная комиссия по польским делам во главе с французским послом в Берлине Ж. Камбоном. При подготовке решения по вопросу о польско-русской границе эта комиссия исходила из решений делегации главных союзных держав — Англии, Франции, США, Италии, Японии, считавших необходимым включить в состав Польши только этнографически польские области. Это означало, что на западе от намеченной линии должны находиться лишь области, населенные по преимуществу поляками, а на востоке — в подавляющем большинстве украинцами и белорусами.

На этой основе была выработана линия восточной границы Польши, которая принята союзными державами (опубликована 8 декабря 1919 г. за подписью председателя Верховного совета союзных и объединившихся держав Ж. Клемансо). В июле 1920 г. та же линия была подтверждена на конференции союзных держав в Спа (Бельгия) и явилась основой для ноты британского министра иностранных держав Д. Керзона о советско-польской границе, направленной советскому правительству 20 июля 1920 г.

В 1920 г. Польша напала на Советскую Россию, однако вследствие неудач вынуждена была обратиться к союзным правительствам за посредничеством. Тогда Д. Керзон направил указанную выше ноту советскому правительству, в которой изложил примерную линию советско-польской границы, ставшую известной как линия Керзона. В ноте говорилось, что «линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг — восточнее Грубешова — через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат». Севернее Гродно указывалась граница между Польшей и Литвой. Однако польское правительство не согласилось с границей по линии Керзона и продолжило войну, навязав Советской России в итоге другую границу после захвата западных областей Украины и Белоруссии. Эта несправедливость была исправлена лишь в 1939 г.³⁶

Никакие аргументы, впрочем, на эмигрантское правительство не действовали. Оно упрямо стояло на своем. Не помогло даже вмешательство западных держав, прежде всего Великобритании. Понимая всю иллюзорность надежд поляков, союзники пытались уговорить их согласиться на линию Керзона в обмен на приращение территории Польши на севере и западе за счет Германии в соответствии с решениями Тегеранской конференции. Не помогло даже знаменитое красноречие У. Черчилля, который потратил немало времени и сил, чтобы хоть как-то подвинуть правительство С. Миколайчика к компромиссу.

Не сработали усилия англо-американцев и в отношении Москвы, которую они пытались уговорить возобновить отношения с эмигрантским польским правительством. В советском руководстве готовы были согласиться на это только при условии реорганизации польского правительства и признания линии Керзона как основы переговоров о границе³⁷.

В то же время Советский Союз стремился всячески поддержать и укрепить позиции тех польских политических сил, которые ориентировались на Москву. 1 января 1944 г. в Варшаве, в подполье, была провозглашена Крайова Рада Народова — политическая организация, созданная в качестве представительного органа польских национально-патриотических и антифашистских сил с перспективой преобразования в польский парламент.

Советские власти форсировали наращивание и подготовку вооруженных формирований, находившихся под политическим влиянием или даже контролем левых сил. В мае 1943 г. было принято решение о создании на территории СССР польских воинских частей. Сна-

чала речь шла о пехотной дивизии, в августе 1943 г. — о корпусе, в марте 1944 г. — об армии. В 1943 — начале 1944 г. заметно возросла советская помощь в развертывании партизанского движения в Польше. В западных областях СССР создавались польские партизанские отряды с последующим их перемещением на собственно польские земли, туда же забрасывались польские диверсионные группы, развернулась подготовка обученных кадров для партизан, было налажено снабжение их всем необходимым. В феврале 1944 г. начался массовый переход за Буг советских партизанских отрядов.

Разительным контрастом отношений СССР с Польшей выступало советско-чехословацкое взаимодействие. Английский журналист А. Верт по этому поводу писал: «Советские власти поддерживали достаточно корректные отношения с чехословацким «лондонским правительством» и не делали никаких попыток создать в противовес ему прокоммунистическое чехословацкое правительство в Москве или в освобожденной части Чехословакии. Они, казалось, были готовы провести в Чехословакии эксперимент с демонстрацией образчика сосуществования Востока с Западом»³⁸.

С 11 по 23 декабря 1943 г. в Москве с официальным визитом находился президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш. 12 декабря 1943 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов и чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер подписали договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой.

В частности, в договоре говорилось: согласившись взаимно объединиться в политике постоянной дружбы и дружественного послевоенного сотрудничества, как и взаимной помощи, стороны обязываются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в нынешней войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе (статья 1); обязались не вступать в сепаратные переговоры с гитлеровским или каким-либо иным правительством Германии, которое ясно не отказалось от агрессивных намерений, не вести переговоров и не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с Германией или с каким-либо иным государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе (статья 2); обязались, что в случае, если одна из них оказалась бы вовлеченной в послевоенный период в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою политику «Дранг нах остен», или с каким-либо объединившимся с Германией государством, то другая сторона немедленно окажет стороне, вовлеченной в военные действия, всяческую военную и другую поддержку и помощь (статья 3); после окончания войны стороны согласились на тесное и дружественное сотрудничество в соответствии с принципами: взаимного уважения независимости и суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, согласились в возможно больших масштабах развивать свои экономические отношения (статья 4); обязались не заключать союзов и не принимать участия в коалициях, направленных против другой стороны (статья 5).

К договору был приложен протокол, в котором говорилось, что в случае, если к этому договору пожелает присоединиться какая-либо третья сторона, граничившая с СССР или Чехословакией и представлявшая в этой войне объект германской агрессии, последней будет дана возможность, по обоюдному согласию правительств, подписать этот договор³⁹. Имелось в виду, что такой третьей стороной договора могла бы стать Польша, естественно, при условии, что там утвердится лояльно относившееся к СССР правительство.

Президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш, выступая на подписании договора, подчеркнул, что рассматривает его как «акт величайшего значения в нашей национальной истории и взаимных отношений между Советским Союзом и Чехословакией». Договор стал «естественным этапом в ходе этой войны, направленной против бесчеловечного и грабительского немецкого шовинизма», который прежде всего стремился к уничтожению славянских государств: Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза. Этот договор также станет одним из звеньев будущего строя, который поможет укрепить мир в Европе⁴⁰.

Западные союзники официально положительно оценили советско-чехословацкий договор. Государственный департамент США сделал следующее заявление: «Договор о вза-

имной помощи, заключенный между правительствами Советского Союза и Чехословакии, обсуждался в течение нескольких месяцев. Этот договор до некоторой степени напоминает англо-советский договор от 1942 г. Полагают, что он не находится в противоречии с общей системой международной безопасности». Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, выступая в Палате общин, также приветствовал советско-чехословацкий договор⁴¹.

Находясь в Москве, президент Э. Бенеш наградил орденами и медалями группу генералов, офицеров и бойцов Красной армии за боевые заслуги в войне против фашистской Германии и за содействие формированию и боевой подготовке чехословацких воинских частей в СССР.

Подписание советско-чехословацкого договора имело большое значение для обеих сторон. СССР заметно укрепил свои позиции в Центральной Европе и в период предстоящего освобождения региона, и в послевоенное время. В то же время Чехословакия уже не могла стать звеном антисоветского санитарного кордона, как кому-то захотелось бы. На практике демонстрировалась модель отношений Советского Союза с малым государством, основанная на принципах уважения суверенитета и независимости сторон. Тем самым, по идее, выбивалась почва из-под ног у тех, кто говорил о неизбежной «советизации» Восточной Европы.

Э. Бенеш уезжал из Москвы в прекрасном расположении духа. Заключение договора с СССР было важнейшим шагом в восстановлении целостности Чехословацкого государства и гарантией от повторения Мюнхена. Начиналась реализация разработанной им внешнеполитической концепции, в которой его стране отводилась роль моста между Востоком и Западом (как он сам выражался, «опираться на 50% на Восток и на 50% на Запад, а не на 100% на Запад»). Президент надеялся, что в послевоенной Чехословакии в сотрудничестве с коммунистами, но без вмешательства СССР, ему удастся провести необходимые преобразования и избежать социальных потрясений⁴².

Была еще одна проблема в советско-чехословацких отношениях — судьба Подкарпатской Руси, как ее называли в Чехословакии, или Закарпатской Украины, как говорили в СССР. Она не была центральной темой переговоров в декабре 1944 г., но негласно уже имелось в виду, что ее судьба будет решаться на исходе войны.

В этой связи показателен такой факт. Во время Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании госсекретарь К. Хэлл получил из Нью-Йорка следующую телеграмму: «В качестве выбранных представителей всех самых крупных карпато-русских организаций США мы заявляем, что наш народ в Карпатской Руси, населяющий район Карпатских гор от реки Попрад до верховьев Тиссы, всегда искал политического объединения со своими братьями в России, и мы просим Вас учесть это естественное желание карпато-русского народа и гарантировать ему полное право на самоопределение». Письмо подписали Петр Ратика, председатель «Американского Карпато-Русского конгресса» и «Объединенного русского ортодоксального братства в Америке», и Михаил Холод, председатель «Лиги за освобождение Галиции и Карпатской Руси» и «Организации русского братства»⁴³.

В 1944 г. в ходе наступления Красной армии началось восстановление западной государственной границы СССР. В марте — июле советские войска вышли на границу с Румынией, Польшей, Финляндией и Германией. В октябре 1944 г. вся западная государственная граница СССР, существовавшая к началу войны, была восстановлена.

В связи с перенесением военных действий за пределы СССР, когда поднялось значение политического руководства войсками, возросла роль военных советов. В мае 1944 г. Политбюро ЦК ВКП(б) провело совещание членов военных советов, которое обсудило их задачи в новой обстановке. На основе указаний руководства партии и директивы Главного политического управления Красной армии и Военно-морского флота от 19 июля 1944 г. военные советы развернули в войсках работу по интернациональному воспитанию советских воинов, повышению их бдительности и разъяснению смысла освободительной миссии Красной армии в странах Европы⁴⁴.

Отношения СССР с США и Великобританией в первой половине 1944 г.

Данный в Тегеране импульс дружелюбия и взаимопонимания в отношениях между лидерами большой тройки со временем стал в какой-то степени иссякать под воздействием сложных, острых и действительно трудноразрешимых проблем, которые во множестве порождались войной. Хотя некоторых из них, казалось, не должно было быть.

В течение нескольких месяцев в начале 1944 г. отношения Москвы с Вашингтоном и Лондоном осложняла проблема раздела итальянского флота. С объявлением 8 сентября 1943 г. перемирия между Италией и союзниками корабли и суда ее флота устремились в порты, контролируемые англосаксами, чтобы сдать. В результате в распоряжении англичан и американцев оказались два новейших линкора «Италия» (бывший «Литторио») и «Витторио Венето» постройки 1940 г. (третий корабль из этой серии — «Рома» — 9 сентября 1943 г. был потоплен немецкой авиацией), а также три линкора времен Первой мировой войны — «Андреа Дорио», «Кайо Джулио» и «Джулио Чезаре», восемь крейсеров, 33 эсминца, подводные лодки, другие военные корабли и более ста торговых судов.

Основной вклад в разгром режима Б. Муссолини, безусловно, внесли англичане и американцы. Однако советская сторона также имела все основания предъявить претензии к поверженному противнику, которые едва ли можно было считать чрезмерными (об этом, впрочем, никто тогда и не говорил). Италия — союзница фашистской Германии, вместе с ней она в июне 1941 г. напала на Советский Союз. Более 200 тыс. итальянских солдат находились на восточном фронте, что было сопоставимо с их численностью на других театрах военных действий.

Более того, флот Б. Муссолини тоже успел повоювать против СССР. 14 января 1942 г. было подписано соглашение, по которому «легкие итальянские силы» привлекались к содействию германским ВМС в войне против Советского Союза. Согласно международной конвенции в Монтрё, Турция не могла пропускать военные корабли воюющих держав через Босфор и Дарданеллы. Поэтому в апреле 1942 г. державы оси перебросили на Черное море по железной дороге, на специальных трейлерах или своим ходом по Дунаю шесть малых торпедных катеров, шесть сверхмалых подводных лодок и 10 взрывающихся катеров. В этих классах судов, в отличие от крупных надводных кораблей, итальянцы по всеобщему признанию были особенно сильны.

Базируясь по мере продвижения фронта в Евпатории, Ялте, Феодосии и Анапе, малые итальянские корабли принимали участие в боевых операциях против советского ВМФ и активно взаимодействовали с приморским флангом германской армии при осаде Севастополя и борьбе за Крым и Северный Кавказ. Всего с апреля 1942 г. по май 1943 г. флотилия совершила около 200 боевых выходов в море. По сведениям итальянских авторов, она могла занести в свой актив потопление двух советских эсминцев (это под вопросом), двух подводных лодок и трех грузовых судов, повреждение большого количества других кораблей. При этом итальянские потери от советских бомбардировок составили два торпедных катера и одну подводную лодку⁴⁵.

В конце лета — начале осени 1942 г., когда вермахт прорвался к Главному Кавказскому хребту и нацелился дальше, на Баку, военно-морские силы стран оси стали готовиться к действиям в новом районе, на Каспии. 23 сентября автоколонна с итальянскими сверхмалыми торпедными катерами и взрывающимися катерами была отправлена из Ялты в Мариуполь на Азовском море. Об этих приготовлениях стало известно англичанам. У Черчилля тут же предупредил И. В. Сталина. В его послании от 30 сентября говорилось: «Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махач-Калу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания

строительства железнодорожной линии». Впрочем, уже 9 октября британский премьер-министр сообщил, что, как показали последние сведения, «осуществление германских планов отправки судов на Каспийское море по железной дороге приостановлено»⁴⁶.

Действительно, в октябре — ноябре 1942 г. наступательный порыв вермахта на Кавказе иссяк. Итальянские моряки на несколько месяцев застряли в Приазовье, а в марте 1943 г. вернулись в Италию. В мае итальянская черноморская флотилия торпедных катеров была расформирована: катера перешли к немцам, от них — к румынам (уцелевшие катера были затоплены в августе 1944 г. в Констанце). Итальянские сверхмалые подводные лодки в сентябре — октябре 1943 г. также были переданы румынам, которые так и не научились ими пользоваться. В августе 1944 г. они были захвачены советскими войсками в Констанце.

Итальянцы воевали с русскими не только на юге, но и на северо-западе. В 1942 г. всего за 20 дней через всю Европу на расстояние в 3 тыс. км они перебросили четыре своих торпедных катера из Средиземного моря на Ладожское озеро. Эти катера приняли участие в блокаде Ленинграда, «серьезно затруднили Советам судоходство и потопили канонерку и транспорт». С наступлением зимы катера были перевезены в Таллин, а их экипажи вернулись в Италию. В итоге катера передали Финляндии.

Вопрос о разделе итальянского флота советская сторона подняла на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. при обсуждении ситуации в Италии. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, ссылаясь на недавно приведенные У. Черчиллем в британском парламенте данные, предложил «немедленно передать Советскому Союзу из общего числа более 100 военных кораблей, перешедших к союзникам в силу капитуляции Италии, следующие военные корабли: 1 линкор, 1 крейсер, 8 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки... а также торговые суда водоизмещением в 40 тыс. тонн из общего количества судов общим водоизмещением более 150 тыс. тонн»⁴⁷. Это, по тогдашним очень приблизительным оценкам советского Главного морского штаба, составляло примерно треть трофейного флота⁴⁸. К. Хэлл и А. Иден обещали немедленно передать советские предложения своим правительствам.

На Тегеранской конференции И. В. Сталин и В. М. Молотов вновь затронули вопрос об итальянских кораблях. Причем было сказано, что если по каким-то соображениям их сейчас нельзя передать в собственность Советского Союза, то можно было бы взять во временное пользование с тем, чтобы употребить в интересах всех Объединенных Наций. На заседании 1 декабря И. В. Сталин заметил: «Мы знаем, что Великобритании и Соединенным Штатам нужны корабли, но мы просим немного». На что У. Черчилль и Ф. Рузвельт ответили одобрительно⁴⁹. Союзники, таким образом, согласились с советским предложением, как и с тем, чтобы СССР получил свою долю к концу января 1944 г.

Далее в контактах И. В. Сталина с его партнерами по большой тройке по данной теме наступила долгая пауза. Хотя между собой англичане и американцы обсуждали эту проблему, подходы к ней у союзников поначалу не во всем совпадали.

Белый дом ясно изложил свою позицию. 8 января Ф. Рузвельт сообщил У. Черчиллю, что намерен «выделить одну треть захваченных итальянских кораблей для содействия военным усилиям СССР начиная с 1 февраля, сразу же, как только удастся получить эти корабли». Хотя военачальники высказали свои возражения против такого шага, но Объединенные Нации имели «право располагать любым итальянским кораблем или всем флотом, как им заблагорассудится». «Важно, — подчеркнул американский президент, — чтобы мы приобрели и сохранили доверие нашего союзника, и я полагаю, что следует приложить все усилия, какие только возможны», для выполнения обещания, данного Советскому Союзу... Как я полагаю, Вы согласитесь с тем, что мы не можем отречься от того, что мы говорили д. Д.»⁵⁰ (д. Д. — дядюшка Джо, так в своем кругу англосаксы называли И. В. Сталина).

Буквально на следующий день У. Черчилль вроде бы с готовностью согласился: «Мы не должны нарушать слово, данное Сталину относительно кораблей». Но затем как будто опомнился и стал делать все, чтобы СССР если бы и получил свое, то по минимуму. Он заявил Ф. Рузвельту, что категорически против передачи итальянских эсминцев и подлодок,

а из английских ресурсов они тоже не могут быть выделены, так как «они, несомненно, все нам понадобятся, чтобы выполнить наши огромные обязательства по операции «Оверлорд» и битве за Атлантику». Затем объявил, что «никогда не соглашался» на раздел итальянского флота на три части и опять-таки категорически настаивал, чтобы «были приняты во внимание потери, понесенные в войне с Италией. Мы вынесли всю тяжесть войны, начиная с 1940 года»⁵¹. Последнее его требование можно было бы назвать справедливым, если бы в Ялте и Потсдаме британский премьер при обсуждении вопроса о репарациях с Германией вспомнил и признал, кто вынес основную тяжесть войны с Третьим рейхом.

Когда выявились разногласия между западными союзниками, американский президент предложил британскому премьеру самый простой способ решения проблемы: «...возможно, лучше просто приказать союзному командующему в районе Средиземноморья Уилсону отбуксировать четыре итальянские подводные лодки в один из портов Соединенного Королевства, не давая итальянцам никаких объяснений относительно их использования в будущем»⁵². Но У. Черчилль продолжал изыскивать все новые поводы, лишь бы сделать по-своему.

И все же англичане и американцы нашли приемлемый для них вариант, который они и предложили Москве. 23 января 1944 г., когда уже можно было ожидать прибытия итальянских кораблей, от руководителей США и Великобритании поступило послание. Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявляли, что если уж И. В. Сталин пожелает, они конфиденциально обратятся к главе итальянского правительства маршалу П. Бадольо «с целью заключения необходимых соглашений без того, чтобы они стали широко известны итальянским военно-морским силам». Со ссылкой на англо-американский Объединенный комитет начальников штабов говорилось, что «настоящее время является неподходящим для осуществления передачи захваченных итальянских судов», поскольку «это значило бы изъять необходимые итальянские ресурсы, ныне используемые в происходящих операциях, и помешать получению нами помощи, оказываемой в настоящее время итальянскими ремонтными базами. Это могло бы привести к затоплению итальянских военных судов и к потере итальянского сотрудничества», а следовательно, подвергло бы риску высадку союзников в Северной и Южной Франции⁵³.

В этом послании впечатляла забота победителей о том, чтобы не вызвать недовольство побежденных, которые вообще-то сами смиренно ждали своей участи и видели в англосаксах единственную защиту от немцев, разъяренных изменой вчерашнего союзника. Конечно, у англичан и американцев могла быть своя, не доведенная до советской стороны информация, позволявшая сделать такие далеко идущие выводы. Но все же известно, что, например, оба уцелевших новейших итальянских линкора уже в сентябре были отправлены британцами в Александрию, а оттуда переведены в Большое Горькое озеро (зона Суэцкого канала), где они и простояли до конца войны, а потом были отправлены на слом.

Другие корабли могли быть задействованы союзниками для конвойной службы на путях снабжения, однако в Средиземном море вскоре не осталось ни одной немецкой подводной лодки, не говоря уже о крупных надводных кораблях, и охрана судов стала не актуальной. После 8 сентября 1943 г. на этом театре не состоялось ни одного морского боя. Тем не менее изъять «необходимые итальянские ресурсы» для их использования Советским Союзом, который обладал гораздо меньшим военно-морским потенциалом, чем англосаксы, но очень нуждался в его укреплении, союзники не сочли возможным.

Трудно себе представить, каким образом передача СССР нескольких кораблей, как утверждали английские и американские военные, могла помешать союзникам получать «помощь» от итальянских ремонтных баз и уж тем более «привести к затоплению итальянских военных судов и к потере итальянского сотрудничества». Настроение итальянских моряков в 1943 г. было совсем не таким, как у немецких в 1919 г. в Скапа-Флоу или у французских в 1942 г. в Тулоне. И те, и другие предпочли затопить свои корабли, но не отдавать их победителям. Некоторые же направлявшиеся к союзникам на Мальту итальянские корабли, как утверждают, подняли флаги, сигнализирующие о сдаче, «размером с теннисный корт»⁵⁴. По словам У. Черчилля, «итальянский флот смело присоединился к союзникам»⁵⁵. Это не мудрено. Во флоте, то есть в той части итальянских вооруженных сил, «где антифашистские

настроения были наиболее сильными, вовсе не наблюдалось колебаний, и, подчиняясь условиям перемирия по всем его пунктам, ВМФ направился на Мальту»⁵⁶.

В послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 23 января выдвигался новый вариант решения рассматриваемой проблемы. Союзники предлагали передать Советскому Союзу британский линейный корабль «Ройял Соверин», который только что прошел модернизацию в США и, в частности, был оборудован радиолокационными установками для всех типов вооружений, а также американский легкий крейсер. Оба корабля временно предоставлялись в займы Советскому Союзу и ходили бы под советским флагом «до тех пор, пока без ущерба для военных операций не смогут быть предоставлены итальянские суда». На тех же условиях предлагалась передача торговых судов по 20 тыс. тонн от каждой из западных держав⁵⁷.

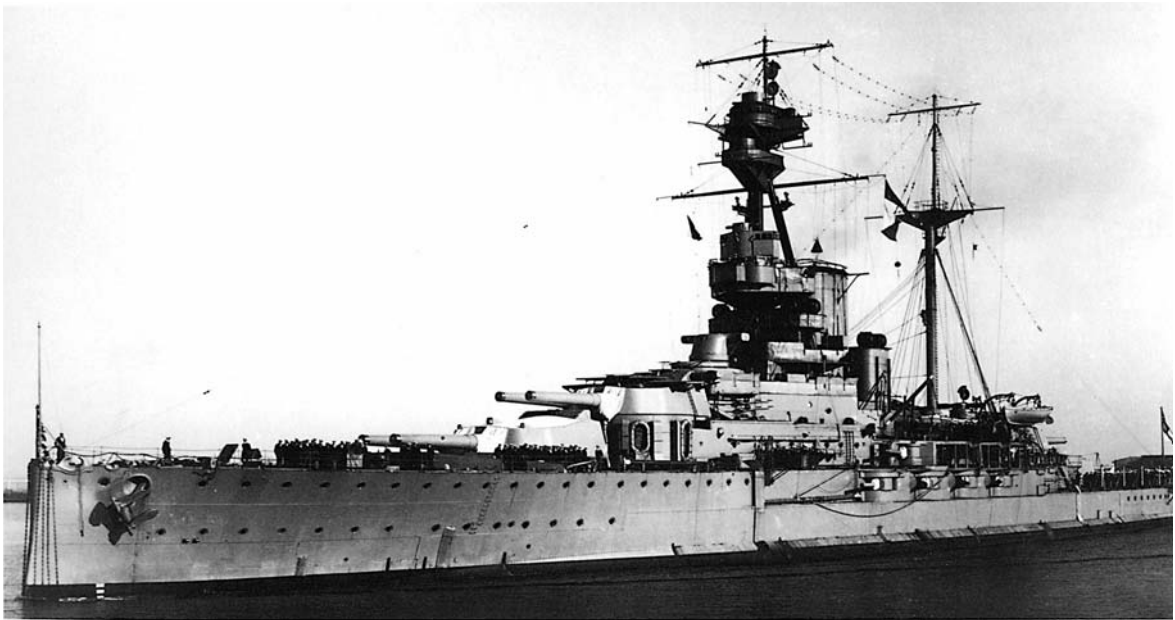
С трудом скрывая раздражение, И. В. Сталин через несколько дней ответил своим партнерам по большой тройке, что считал данный вопрос решенным и у него «не возникало мысли о возможности какого-либо пересмотра этого принятого и согласованного между нами троими решения». Теперь выясняется, «что это не так и что с итальянцами даже не говорилось ничего по этому поводу». Советская сторона, однако, заявила о готовности принять предложение союзников, чтобы не затягивать решение этого вопроса. Также было выражено согласие получить по этой же схеме (временно заменив итальянские корабли английскими и американскими) восемь эсминцев и четыре подводные лодки, о которых в послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля вообще ничего не было сказано⁵⁸.

Когда в Москве стали рассматривать новые предложения союзников, то сразу выяснилось, что вместо современных итальянских кораблей (по крайней мере таковыми должны были быть некоторые из трофеев) советской стороне союзники предлагали давно устаревшие экземпляры времен Первой мировой войны. Британский линейный корабль «Ройял Соверин» был включен в списки флота еще в 1916 г. В межвоенный период его модернизация свелась в основном к усилению зенитного вооружения, тогда как угол возвышения орудий главного калибра не был увеличен, и они уступали по дальности стрельбы артиллерии практически всех других линкоров. В годы Второй мировой войны «Ройял Соверин» нес службу в Атлантике, Средиземноморье и Индийском океане, ничем особо не отличившись. Из-за плохого состояния механизмов целый год, до сентября 1943 г., находился на капитальном ремонте в США и вскоре после этого был выведен в резерв.

По своим тактико-техническим характеристикам новейшие итальянские линкоры типа «Литторио» заметно превосходили его: водоизмещение (полное) — соответственно 46 тыс. и 31 тыс. тонн, скорость хода — 31 узел (в мае 1940 г. на ходовых испытаниях «Витторио Венто» показал самую высокую среди всех кораблей этого класса скорость — 32 узла) и 21 узел, главный калибр — девять 381-мм орудий против восьми 381-мм орудий у «Ройял Соверина».

Эсминцы тоже оказались постройки времен Первой мировой войны. Эти корабли Великобритания получила от США в 1940 г. по соглашению «эсминцы в обмен на базы», после чего они прошли модернизацию и перевооружение⁵⁹. Немного более новым оказался выделенный Соединенными Штатами легкий крейсер «Милуоки», вошедший в состав флота в 1923 г. Только подводные лодки постройки 1936–1941 гг. можно было считать современными⁶⁰.

Понятно, что восторга у советской стороны эти предложения союзников не вызвали. И. В. Сталин обратился к ним с просьбой, чтобы хотя бы половина эсминцев была современной, а не старой. Согласившись, что передаваемые эсминцы «вполне пригодны для эскортной работы», он подчеркнул, что Советскому Союзу нужны корабли этого класса также и для других боевых операций. К тому же в результате военных действий со стороны Германии и Италии погибла значительная часть советских эсминцев, и надо было хотя бы частично восполнить эти потери⁶¹. Впрочем, И. В. Сталин, прекрасно понимавший все уловки западных союзников и видевший, к чему они клонят, не питал особых иллюзий относительно возможности согласия англосаксов на эту советскую просьбу. Когда нарком военно-морского флота Н. Г. Кузнецов доложил в Ставке, что корабли передаются старые, Верховный главнокомандующий ответил: «Рассчитывать на передачу нам более современных судов не стоит»⁶².

Линейный корабль «Ройял Соверин»

В западной литературе высказывается мнение, что советская претензия на часть итальянского флота «звучала малообоснованно, тем более что русские не вели морских боев против немцев, а англичане и американцы, несшие бремя войны на море против Германии и Японии и снабжавшие советскую военную машину морским путем, пытались использовать итальянские суда для открытия второго фронта в Северной Франции, который Советскому Союзу был нужен больше итальянских судов»⁶³.

Но, во-первых, что значит малообоснованно, когда речь идет о наказании страны-агрессора, армия и флот которой воевали против СССР. Во-вторых, на встрече большой тройки была достигнута договоренность о получении Советским Союзом кораблей, которую западные союзники в Тегеране рассматривали как обоснованную, а потом стали почему-то переиначивать на свой лад. В-третьих, эти корабли, прежде всего эсминцы и подводные лодки, нужны были советским союзникам как раз «для морских боев против немцев» на Севере, для участия в проводке арктических конвоев, которые везли грузы по ленд-лизу для «советской военной машины». Все полученные от союзников корабли были отправлены именно на Северный флот. В-четвертых, нет сведений о сколько-нибудь заметном участии итальянских кораблей в десантной операции в Северной Франции. И не только новейших линкоров, которые уже, наверное, начинали ржаветь без должного ухода в своем «отстойнике» — Суэцком канале, но и кораблей других классов. К моменту открытия второго фронта флот у союзников был уже настолько многочисленным, что проблема состояла скорее не в том, чтобы еще добавить кораблей, а в том, как обеспечить их экипажами.

В конечном счете, Советский Союз получил то, что ему полагалось. Весной — летом 1944 г. на линкоре, получившем название «Архангельск», легком крейсере «Мурманск», восьми эсминцах (потом добавили девятый «на запчасти», но его тоже ввели в строй) и четырех подлодках были подняты советские флаги, и они вошли в состав ВМФ СССР⁶⁴.

Если относительно передачи итальянских кораблей советская сторона выдвигала свои требования к союзникам, то последние нашли свой повод предъявить претензии Москве.

17 января 1944 г. в «Правде» было опубликовано сообщение ее собственного корреспондента из Каира, в котором со ссылкой на заслуживающие доверия источники говорилось о состоявшейся «в одном из прибрежных городов Пиренейского полуострова» секретной встрече нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа с английскими руководящими лицами на предмет выяснения условий сепаратного мира с Германией.

Во время войны в любом союзе малейшее подозрение даже о гипотетическом попятном союзника к сепаратному миру с противником воспринимается крайне болезненно. И опровергается тоже очень эмоционально. На что У. Черчилль в послании И. В. Сталину от 24 января назвал подобные сообщения оскорбительными, а заодно вспомнил о бесконечной критике слева журналом «Война и рабочий класс» британской политики в Италии и Греции («булавочные уколы»). «Я никогда не стал бы вести переговоры с немцами отдельно», — с обидой писал он. На тот момент, наверное, так оно и было. Но летом 1943 г. союзники, не согласовав заранее этот вопрос с советским руководством, вступили в переговоры и признали в Италии власть короля и маршала П. Бадольо, которые были тесно связаны с режимом Б. Муссолини. Более того, через год, как известно, последовал «бернский инцидент», когда американцы и англичане вступили в переговоры с немцами как раз отдельно, не допустив к ним советских представителей. И это стало уже не «булавочным уколом», а серьезным фактором, подрывавшим доверие между союзниками в решающий период завершения войны.

И. В. Сталин ответил, ссылаясь на свободу печати. «Не следует придавать чрезмерного значения» сообщению в «Правде». Это, мол, право газеты. «Мы, русские, по крайней мере никогда не претендовали на такого рода вмешательства в дела британской печати». Журнал «Война и рабочий класс» — профсоюзный, за его статьи правительство «не может нести ответственности»⁶⁵.

Отношения между странами — это не только межгосударственные связи, но и контакты общественности, представления народов друг о друге. К концу 1943 — началу 1944 г. отношение к Советскому Союзу в странах Запада продолжало оставаться сложным и неоднозначным. Бесспорно, под влиянием выдающихся побед Красной армии на фронте, беспримерного мужества и героизма советского народа заметно усилились симпатии к СССР, искренняя радость и удовлетворение его успехами, готовность рассматривать его как надежного союзника и равноправного партнера в послевоенном мире.

Вместе с тем, отмечал еще в начале 1943 г. советский посол в Лондоне И. М. Майский в своем анализе внутрисоциальной ситуации в Великобритании, во всех социальных слоях британского общества почти с равной силой ощущались такие чувства, как «крайнее удивление мощью и жизнеспособностью СССР.. радостного у одних, тревожного у других», а также «растущее чувство самоуспокоенности». Но чем выше по этажам общественной пирамиды, «тем больше чувство восхищения разбавляется примесью других, разъедающих чувств». Основная реакция той же интеллигенции, как известно, в огромной степени определяющей настроения общественности, — «тревожное недоумение». Привыкнув считать, что «свет исходит только из Англии», она вдруг увидела, что «коммунистическая диктатура», к которой она относилась «со смешанными чувствами неприязни и презрения», дает «совершенно изумительные образцы героизма, дальновидности, организационного искусства, государственной мудрости». Еще сложнее позиция господствующих классов: с одной стороны, довольных тем, что «русские так крепко бьют немцев» и тем самым можно по извечной традиции воевать чужими руками, но с другой — «а не слишком ли в результате усилятся большевики?». Отсюда и отношение ко второму фронту, который надо открыть не слишком рано и не слишком поздно, а как раз «вовремя»⁶⁶.

К концу 1943 г. эмоциональная насыщенность и степень поддержки тех или иных позиций могли измениться, но принципиальных перемен не произошло. Примерно такая же палитра чувств, эмоций, оценок и настроений существовала и в США, как и в Великобритании, накладываясь на массу устоявшихся взглядов и представлений о том, что такое Россия.

Большую роль в формировании международного имиджа Советского Союза играл вопрос о положении религии и церкви. В 1920–1930-е гг. сообщения о репрессиях против

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

БЕЛОЕ МОРЕ

Бискайский залив

ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Исландия
РЕЙКЬЯВИК

НОРВЕГИЯ
ХРИСТИАНИЯ

ШВЕЦИЯ
СТОКГОЛЬМ

Дания
КОПЕНГАГЕН

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ТАЛЛИН
РИГА
ВИЛЬНО
МИНСК
КИЕВ

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ДУБЛИН
лондон

Германская Империя
БЕРЛИН
ПРАГА

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ИМПЕРИЯ
ВЕНА
БУДАПЕШТ

Франция
ПАРИЖ

Италия
РИМ

Испания
МАДРИД

Алжир (Фр.)
ТУНИС

Марокко (Фр.)

Португалия
ЛИССАБОН

Греция
АФИНЫ

Болгария
СОФИЯ

Румыния
БУХАРЕСТ

Сербия
БЕЛГРАД

Цетине

Дуррес

Алжир (Брит.)
ТАНЖЕР

Алжир (Фр.)
АЛЖИР

Андорра

Монако

Сан-Марино

1 Амстердам

2 Брюссель

3 Берн

4 Люксембург

5 Гибралтар

6 Цетине

Цифрами на карте обозначены: 1 Нидерланды 3 Швейцария 5 Испанское Марокко
2 Бельгия 4 Лихтенштейн 6 Черногория

1:25 000 000

Политическая карта мира к началу Первой мировой войны. 1914 г.

Политическая карта мира после Октябрьской революции и образования СССР. 1923 г.

Японская агрессия на Дальнем Востоке.
1935–1939 гг.

<ul style="list-style-type: none"> ----- Государственные границы на 1 марта 1938 г. - - - - - Государственная граница СССР на 21 июня 1941 г. — — — — — Фашистские государства агрессоры: Германия и Италия - - - - - Государства, присоединившиеся к блоку агрессоров или союзные Германии ..... Государства, сотрудничавшие с агрессорами 	<p>Государства или территории, оккупированные:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▨ Германия ▨ Венгрией ▨ Италией ▨ Болгарией ▨ Территория, возвращенная Болгарии по договору с Румынией от 7 сентября 1940 г. ▨ Новые границы, установленные агрессорами ▨ Государства в границах, измененных агрессорами ▨ Государства, вновь созданные агрессорами 	<p>Государства и владения, обозначенные на карте цифрами:</p> <ul style="list-style-type: none"> 1 Вольный город Данциг 2 Черногория (Ит.) 3 Чехия и Моравия (протекторат)
--	---	---

Результаты фашистской агрессии в Европе.
Март 1935 г. – август 1939 г.

Территориальные захваты фашистского блока в Европе к 22 июня 1941 г.

СОСТАВ СИЛ ГЕРМАНИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ, РАЗВЕРНУТЫХ В СЕНТЯБРЕ 1938 г.

		Дивизий	Танков	Самолетов	Людей
Германия	Общая численность	47	720	2500	2 200 000
	Армия вторжения	39	720	2400	1 825 000
Чехословакия	Общая численность	45	469	1582	2 000 000
	Армия отражения агрессии	37	400	1500	1 645 000

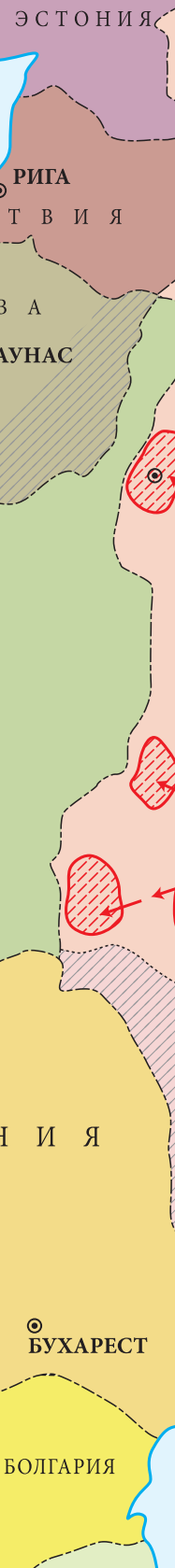

- Австрия, захваченная Германией в марте 1938 г.
- Выдвижение советских войск к государственной границе
- Перебазирование авиационной армии
- Районы развертывания чехословацкой армии
- Районы сосредоточения немецких, венгерских и польских войск для вторжения в Чехословакию
- Районы сосредоточения немецких, венгерских и польских войск для вторжения в Чехословакию
- Пограничные укрепления в Чехословакии

Государственные границы показаны на 1 марта 1938 г.

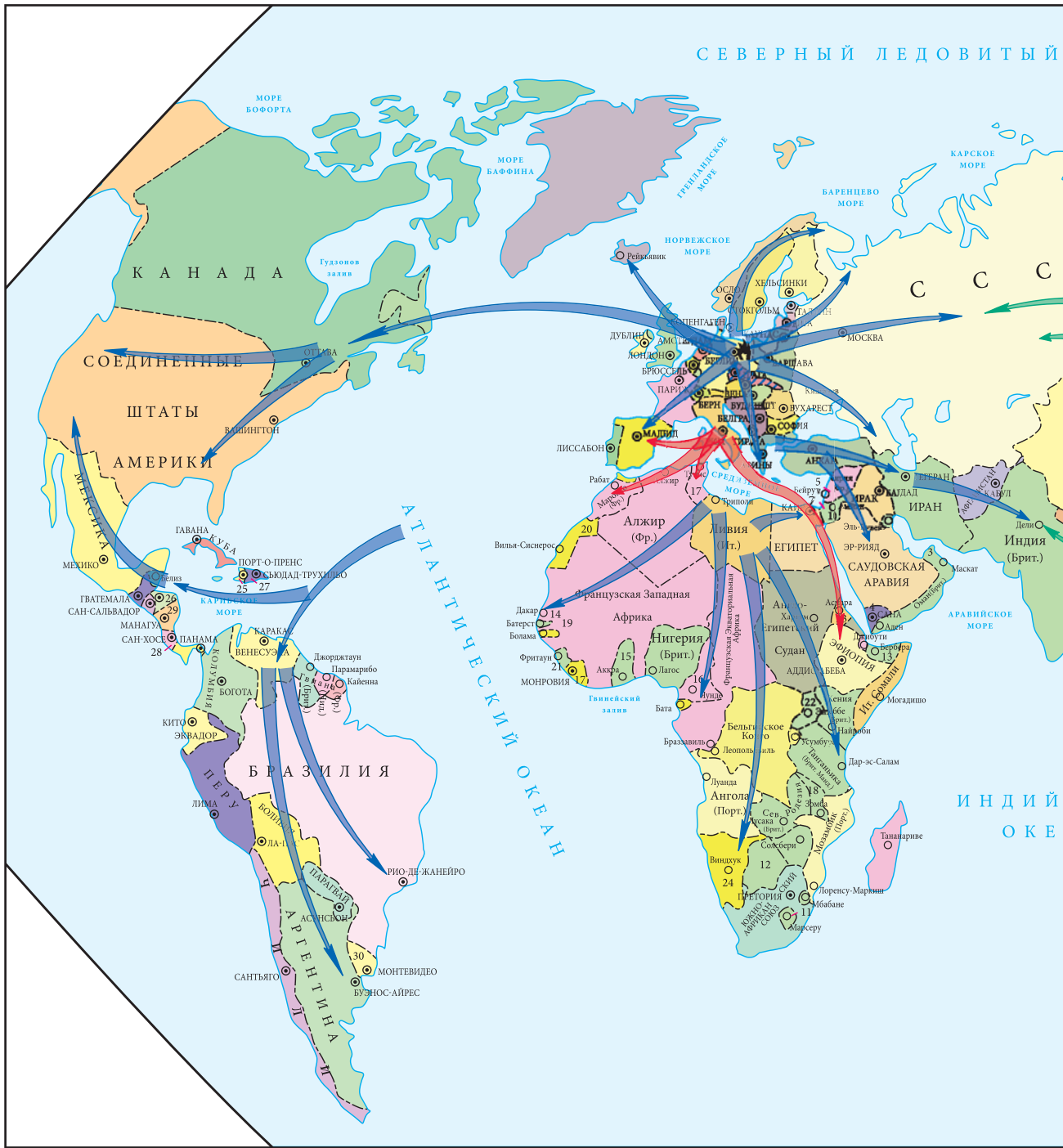
СОСТАВ СОВЕТСКИХ ВОЙСК, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

	Приведены в боевую готовность		Система ПВО	
	1 эшелон войск	2 эшелон войск		
Стрелковые дивизии	30	30	Корпуса ПВО	2
Кавалерийские дивизии	10	6	Дивизии ПВО	1
Танковые корпуса	1	2	Бригады ПВО	2
Отдельные танковые бригады	7	15	Зенитно-артиллерийские бригады	4
Укреплённые районы	7	-	Зенитно-артиллерийские полки	15
Авиационные бригады	12	5	Подготовлено к отправке в Чехословакию – 548 самолетов	
Авиационные базы		34	Призвано резервистов – 328 700 человек	

Мероприятия СССР по оказанию помощи Чехословакии. 1938 г.

ГЛАВНЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ ВЛАДЕНИЯ

Германия	Великобритания и ее доминионы
Япония	США
Италия	Франция

1:125 000 000

Образование первого очага мировой войны — вторжение Японии в Северо-Восточный Китай 18 сентября 1931 г.

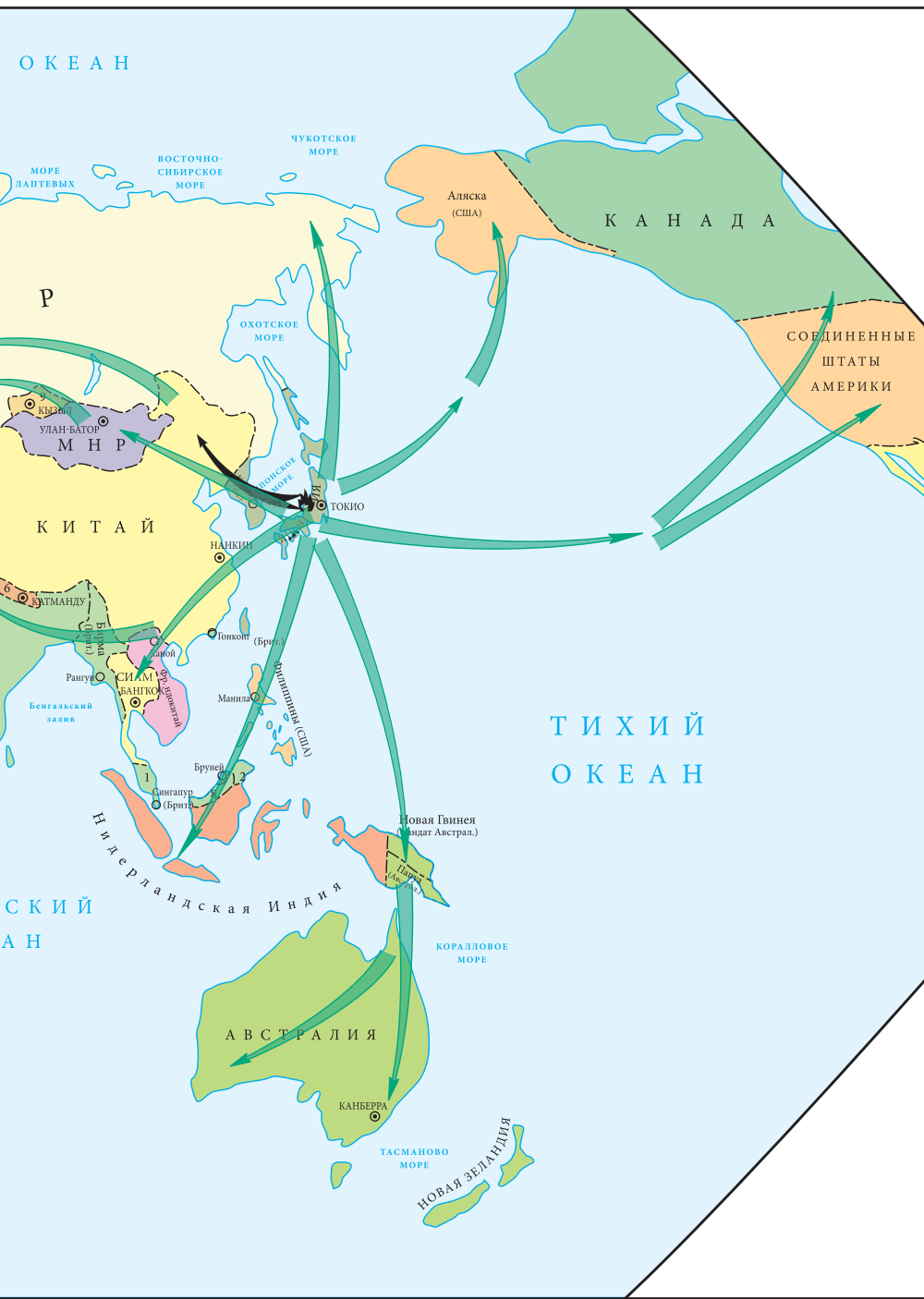
Образование второго очага мировой войны — захват фашистами власти в Германии 30 января 1933 г.

Планы экспансии государств фашистского блока

- Германии
- Японии
- Италии

Границы государств показаны на 1935 г.

Германия
Япония
Италия

ВОЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ СТРАН ФАШИСТСКОГО БЛОКА (в % ко всем расходам)

Финансовые годы		
1934/35	1937/38	1938/39
18,0	41,0	58,0
44,2	71,5	75,4
50,5	65,1	53,0

На карте обозначены цифрами:

АЗИЯ	АФРИКА	24 Юго-Западная Африка (мандат Южно-Африканского Союза)
1 Брит. Малайя	11 Басутоленд (Брит.)	АМЕРИКА
2 Брит. Сев. Борнео	12 Бечуаналенд (Брит.)	25 Гаити
3 Договорный Оман (Брит.)	13 Брит. Сомали	26 Гондурас
4 Йемен	14 Гамбия (Брит.)	27 Доминиканская Республика
5 Ливан (Фр. мандат)	15 Золотой Берег (Брит.)	28 Коста-Рика
6 Непал	16 Камерун (Фр. мандат)	29 Никарагуа
7 Палестина (Брит. мандат)	17 Либерия	30 Уругвай
8 Саравак (Брит.)	18 Ньясаленд (Брит.)	
9 Тувинская Нар. Республика	19 Португальская Гвинея	
10 Трансиордания (Брит. мандат)	20 Рио-де-Оро (Исп.)	
	21 Сьерра-Леоне (Брит.)	
	22 Уганда (Брит.)	
	23 Эритрея (Ит.)	

Планы Германии, Японии и Италии в борьбе за мировое господство

Протяженность сухопутных границ — ок. 20 тыс. км

Протяженность морских границ — ок. 40 тыс. км

1:30 000 000

Цифрами на карте обозначены:

- 1 Эстонская ССР
- 2 Латвийская ССР
- 3 Литовская ССР
- 4 Молдавская ССР

- 5 Армянская ССР
- 6 Азербайджанская ССР
- 7 Полуостров Ханко — аренда СССР у Финляндии

Границы СССР
к июню 1941 г.

Вторжение Японии в Северо-Восточный Китай 18 сентября 1931 г. — образование первого очага мировой войны	Захват Германией Чехословакии и ее расчленение между Германией, Венгрией и Польшей
Захват фашистами власти в Германии 30 января 1933 г. — образование второго очага мировой войны	Нападение японских войск на СССР и МНР и их разгром:
Захват Японией Северо-Восточного (1931–1933 гг.), Северного, Центрального Китая и вторжение в Южный Китай (1937–1939 гг.)	в районе оз. Хасан советскими войсками в 1938 г.
Итало-германская интервенция в Испании 1936–1939 гг.	в районе р. Халхин-Гол советско-монгольскими войсками в 1939 г.
Захват Италией Эфиопии (1935–1936 гг.) и Албании (1939 г.)	1.9.1939 Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. — начало Второй мировой войны
Насильственное включение Австрии в состав Германии (аншлюс) 1938 г.	Территория Бессарабии, захваченная Румынией в 1918 г.
	Территория Вильнюсской области, захваченная Польшей в 1920 г.

Политическая карта мира накануне Второй мировой войны

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Границы:

- СССР на 1 января 1950 г.
- Иностранных государств на 1 января 1950 г.

Примечание: коричневым пунктиром показаны государственные границы СССР на 22 июня 1941 г. и иностранных государств на 1 марта 1938 г.

I Карело-Финская ССР

В Европе

- По решению Потсдамской конференции 17.07–2.08.1945:
- 1 часть бывшей Восточной Пруссии, переданная СССР
  - 2 часть бывшей Восточной Пруссии, переданная Польше
  - 3 земли к востоку от рек Одра (Одер) и Нейсе, возвращенные Польше
  - 4 территория Гданьска (Данцига), возвращенная Польше
- По советско-чехословацкому договору 29.06.1945:
- 5 Закарпатская Украина, воссоединенная с УССР
- По советско-польскому договору 16.08.1945:
- 6 Белостокская область и район Пшемысля (Перемышля), переданные Польше

По мирным договорам 10.02.1947 с Финляндией, Италией, Болгарией и Венгрией:

7 область Печенга (Петсамо), возвращенная СССР

8 территории, отошедшие к Франции в районах перевала Малый Сен-Бернар, плато Мон-Сени, Мон-Табор-Шабертон, в верховьях рек Тине, Везюби и Руая

9 территории, отошедшие к Югославии: п-ов Истрия и часть области Юлийская Крайна, город Риека (Фiume), коммуна Зара (Задар), о-ва Пелаггужа (Пелагоса)

10 о-ва Додеканес (Южные Спорады), переданные Греции

11 Южная Добруджа (подтвержден договор между Болгарией и Румынией 7.09.1940, по которому Румыния возвратила Болгарии территорию Южной Добруджи)

12 территория на правом берегу Дуная в р-не Братиславы, переданная Чехословакии

На Дальнем Востоке

По решению Каирской конференции 1.12.1943:

13. Маньчжурия, о. Тайвань (Формоза) и о-ва Пэнхуледао, возвращенные Китаю

По решению Крымской (Ялтинской) конференции 11.02.1945:

14 Южный Сахалин и Курильские о-ва, возвращенные СССР

Карта мира
после Второй мировой войны.
Сентябрь 1945 г.

	СССР, другие государства и их владения, вступившие в войну со странами фашистского блока с 1939 по 1944 г.		Подписание англо-американского заявления о целях войны и принципах послевоенного устройства (Атлантическая хартия) 14.8.41
	Государства фашистского блока, их союзники и владения		Международная антифашистская конференция в Лондоне. Присоединение СССР к Атлантической хартии 24.9.41
	Государства и территории, подвергшиеся оккупации агрессорами		Подписание в Вашингтоне 26 государствами декларации Объединенных Наций 1.1.42
	Государства, заявившие о своем нейтралитете или не участвовавшие в войне, и их владения		Конференция глав правительств СССР, США, Великобритании и даты их проведения 28.11-1.12.43
	Сфера распространения агрессии фашистского блока		Сан-Францисская конференция 50 государств — учредителей Организации Объединенных Наций (ООН). Принятие Устава ООН 25.4-26.6.45
	Даты вступления государств в войну против фашистского блока		Основные районы действий партизан и сил национально-освободительных движений 24.8.44
	Подписание в Москве соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против фашистской Германии 12.7.41		Даты выхода из войны на стороне фашистского блока европейских союзников Германии 8.V.45
	Подписание англо-американского заявления о целях войны и принципах послевоенного устройства (Атлантическая хартия) 14.8.41		Капитуляция фашистской Германии и милитаристской Японии 2.IX.45

Цифрами обозначены государства:	5 Литва	14 Межд. зона	НА ОСНОВНОЙ КАРТЕ	23 Непал	АФРИКА	36 Португальская Гвинея	АМЕРИКА
НА ВРЕЗКЕ	6 Нидерланды	15 Испанское Марокко	18 Брит. Малайя	24 Палестина (Брит. мандат)	28 Басутоленд (Брит.)	37 Рио-де-Оро (Исп.)	42 Ганги
1 Финляндия	7 Бельгия	16 Марокко (Фр.)	19 Брит. Сев. Борнео	25 Саравак (Брит.)	29 Бечуаналенд (Брит.)	38 Сьерра-Леоне (Брит.)	43 Гондурас
2 Эстония	8 Люксембург	17 Тунис (Фр.)	20 Договорный Оман	26 Тувинская Нар. Республика (Брит.)	30 Брит. Сомали	39 Уганда (Брит.)	44 Доминиканская Республика
3 Ирландия	9 Швейцария		21 Йемен	27 Трансиордания (Брит. мандат)	31 Гамбия (Брит.)	40 Эритрея (Ит.)	45 Коста-Рика
4 Латвия	10 Лихтенштейн		22 Ливан (Фр. мандат)		32 Золотой Берег (Брит.)	41 Юго-Западная Африка (мандат Южно-Африканского Союза)	46 Никарагуа
	11 Австрия				33 Камерун (Фр. мандат)		47 Уругвай
	12 Венгрия				34 Либерия		
	13 Албания				35 Ньясаленд (Брит.)		

Антигитлеровская коалиция.
1941–1945 гг.

1:105 000 000

церкви и верующих вызвали волны антисоветской пропаганды, заметно ухудшали образ СССР на Западе. Но еще до начала войны советская власть стала предпринимать попытки исправить эту ситуацию, опираясь на ту часть духовенства, которая готова была сотрудничать с государством.

После 22 июня 1941 г. устоявшиеся за рубежом представления о положении религии и церкви в СССР наряду с другими подобными стереотипами стали препятствием для налаживания отношений с союзниками. Как известно, с первого дня войны Русская православная церковь (РПЦ) заняла патриотическую позицию. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) разослал по всем действующим храмам обращение, в котором призвал народ встать на защиту Родины, а церковь — разделить судьбу народа. Публичное заявление митрополита Сергея об отлучении от церкви любого священника или мирянина, кто, подобно Иуде, станет сотрудничать с нацистами, попало на страницы зарубежной прессы⁶⁷.

Советское руководство учло эту позицию церкви и стало все активнее использовать ее, прежде всего для мобилизации духовных сил народа на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами, но также и для улучшения образа СССР в глазах международной общественности. Новый курс властей предполагал определенное оживление религиозной жизни, но под жестким контролем государства за деятельностью церкви.

Случайно или нет, но знаменитая встреча И. В. Сталина с церковными иерархами 4 сентября 1943 г. и последовавшее за ней через четыре дня избрание митрополита Сергея Патриархом Московским и всея Руси, а также образование 14 сентября Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР произошли незадолго до Тегеранской конференции. Известно, что западные лидеры, в частности Ф. Рузвельт, проявляли особый интерес к положению церкви в СССР.

В это время менялось и положение мусульман в Советском Союзе. В октябре 1943 г. в Ташкенте состоялся первый курултай улемов Средней Азии и Казахстана, который (с санкции властей) вынес решение о создании Духовного управления мусульман этого региона, а также принял обращение к мусульманам с призывом вместе со всеми народами сражаться против нацистских захватчиков. В Бухаре и Ташкенте были открыты медресе. В мае 1944 г. в Баку был проведен съезд мусульманского духовенства и верующих, на котором объявлено об образовании Духовного управления мусульман Закавказья. Съезд выступил с патриотическим обращением, которое распространялось среди мусульман не только в Закавказье, но также в Иране, Турции и арабских странах. В июне 1944 г. в Буйнакске (Дагестан) было организовано Духовное управление мусульман Северного Кавказа.

19 мая 1944 г. при СНК СССР был учрежден Совет по делам религиозных культов, обеспечивавший контакт власти со всеми конфессиями (кроме православия). Подобные мероприятия в совокупности с активизацией международных церковных связей должны были доказать западным политикам и общественности наличие свободы совести в СССР и отсутствие религиозных гонений. В определенной степени эти расчеты оправдывались. Так, архиепископ Йоркский Сирил Фостер Гарбет, который во главе делегации англиканского духовенства встречался с патриархом Сергием вскоре после его избрания, заявил в Москве: «По приезде в Англию меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать: есть ли в России свобода отправления религиозного культа? — и я отвечаю, что, безусловно, да». Вернувшись домой, архиепископ действительно заверил журналистов, что благодаря советскому руководству положение церкви в СССР улучшилось, а «Сталин, будучи великим государственным деятелем, признал силу религии»⁶⁸.

В докладе наркома госбезопасности СССР В. Н. Меркулова «Об откликах иностранных дипломатов и политэмигрантов на изменение внутренней политики Советского Союза в отношении религии» приводились слова одного из английских корреспондентов: «Изменение политики Советского Союза в отношении религии равносильно сейчас открытию второго фронта, так как у стран оси выбит козырь в деле их пропаганды против СССР, якобы угнетающего религию»⁶⁹.

Волна симпатий к Советскому Союзу, которая, может быть, не сразу после 22 июня 1941 г., но чем дальше, тем больше поднималась в США и Великобритании, породила немало общественных организаций, занимавшихся в тех или иных формах поддержкой Советского Союза, Красной армии и советского народа. Ведущей организацией такого рода в США стал комитет «Помощь России в войне» (Russian War Relief)⁷⁰. Зародился он еще в 1941 г., когда группа бизнесменов, общественных и религиозных деятелей создала Временный комитет медицинской помощи России. В его состав, в частности, вошли те, кто участвовал в организации помощи голодающим в России в конце XIX — начале XX в. Например, А. Вардвелл, член миссии Красного Креста в России в 1917 г., в 1920-е гг. — вице-президент Американо-русской торговой палаты. Комитет сразу же получил от советского посла К. А. Уманского список необходимых медикаментов. Но вскоре выяснилось, что СССР остро нуждается в самых разнообразных товарах гражданского назначения. Для решения этой задачи в сентябре и была учреждена новая общественная организация под названием комитет «Помощь России в войне». Президентом комитета стал Э. Картер, а почетным председателем — А. Вардвелл. В совете директоров поначалу было два представителя русской эмиграции: инженер и изобретатель, «отец телевидения» В. К. Зворыкин и финансист С. Я. Семенов.

Довольно скоро комитет превратился в крупную, разветвленную структуру со своими региональными, женскими, молодежными, религиозными отделениями, количество которых по всей стране исчислялось сотнями. Он стал самым крупным общественным объединением из более чем 30 организаций, созданных для оказания помощи тем или иным народам в борьбе с державами оси. В октябре 1943 г. для координации деятельности всех структур, оказывавших гуманитарную помощь союзникам США, был создан Национальный военный фонд, в состав которого вошел и комитет «Помощь России в войне».

О статусе комитета в американском обществе говорило то, что его почетными членами являлись Элеонора Рузвельт — жена президента США, физики Альберт Эйнштейн и Роберт Оппенгеймер, математик Джон фон Нейман, актер Чарли Чаплин, писатель Леон Фейхтвангер.

Русские эмигранты инициировали создание в комитете «Помощь России в войне» Центрального русского комитета, почетным председателем которого стал уже упоминавшийся выше изобретатель В. К. Зворыкин, президентом — М. Холод, много лет возглавлявший Общество русских братств США, исполнительным секретарем — М. И. Конёнкова, жена знаменитого русского скульптора С. Т. Конёнкова. Почетными членами Русского комитета являлись такие известные фигуры, как экзарх Русской православной церкви в США митрополит Вениамин, митрополит Макарий, архиепископ Адам, экономист В. В. Леонтьев, философ и социолог П. А. Сорокин, зоолог А. И. Петрункевич, юрист и историк М. Т. Флоринский, историки Г. В. Вернадский и В. Г. Симхович, редактор нью-йоркского «Нового журнала» М. М. Карпович, писатель Г. Д. Гребенщиков, актер и режиссер М. А. Чехов, скульптор и художник-авангардист А. П. Архипенко, скульптор С. Т. Конёнков, пианист и композитор С. В. Рахманинов, виолончелист, композитор и дирижер Е. А. Цимбалист, певица М. М. Куренко, композитор А. Т. Гречанинов, скрипач И. Р. Хейфец, пианист В. С. Горовиц, дирижер С. А. Кусевичкий, виолончелист Г. П. Пятигорский и другие.

Комитет являлся некоммерческой организацией, главной целью которой было оказание материальной помощи и моральной поддержки советскому народу, испытывавшему тяжелейшие лишения в борьбе с гитлеровской агрессией. Осуществлялись сбор финансовых средств, приобретение и отправка в СССР лекарств и медицинской аппаратуры, продуктов питания, одежды, обуви, предметов домашнего обихода и т. д. Имелись собственные производственные предприятия (к концу 1944 г. их было более 20 тыс.) и склады.

К концу 1943 г. число частных пожертвований по сравнению с предыдущим годом возросло в 10 раз, и помощь комитета советской стороне составила 16 млн 681 тыс. долларов. К концу марта 1944 г. были произведены поставки на сумму 25 млн 65 тыс. долларов. В этом же году была проведена специальная акция: в СССР послали 4,5 млн фунтов семян

различных сельскохозяйственных культур, большая часть которых была подарена комитету американскими бизнесменами и фермерами.

С начала 1944 г. комитет полностью переориентировался на помощь гражданскому населению СССР (первоначально две трети поставок шло для нужд армии и лишь одна треть — для нужд тыла). Соответственно менялась и структура закупок товаров, предназначенных для Советского Союза. Если в 1942 г. 71 цент из каждого доллара тратился на лекарства и медикаменты, то в 1943 г. примерно 62 цента шли на одежду и текстиль (годом ранее — только 17 центов). При этом все грузы, отправлявшиеся комитетом в СССР, с самого начала были освобождены от таможенных пошлин специальным распоряжением министерства финансов США.

Большое значение комитет придавал пропагандистской работе, ознакомлению американцев с жизнью советского народа и положением на советско-германском фронте. Проводились многочисленные митинги и собрания, инициировались публикации в печати и радиопередачи, выпускались листовки, открытки и плакаты, организовывались кинофестивали.

Огромную роль в деятельности этой общественной организации играли рядовые американцы, искренне стремящиеся помочь советским людям. В качестве добровольцев они участвовали в разных кампаниях, проводившихся комитетом, в сборе пожертвований, готовили грузы к отправке, вели разъяснительную работу. По выходным дням простые американцы работали на предприятиях комитета.

Советские ведомства и организации активно контактировали и взаимодействовали с комитетом. Прежде всего это были внешнеторговое объединение «Разноэкспорт», Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), Совинформбюро. Распределением получаемых из США грузов занималась специальная комиссия, в состав которой входили представители военно-медицинской службы, наркоматов здравоохранения и образования, советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца, профсоюзов, различных социальных учреждений.

Советские власти были заинтересованы в успешной работе комитета «Помощь России в войне». Ведь в США не существовало ни одной общественной организации, которая занималась бы лоббированием советско-американских отношений. Дело было не только в материальной поддержке, но и в возможности стимулировать в американском обществе дружеские по отношению к СССР чувства и готовность помогать ему в противовес широко распространенным в этой стране антикоммунистическим настроениям.

Руководители комитета не раз бывали в Советском Союзе. Осенью 1943 г. СССР посетил президент комитета «Помощь России в войне» Э. Картер. Ему была предоставлена возможность посмотреть самые разные районы страны, двигаясь по маршруту Баку — Сталинград — Москва — Свердловск — Новосибирск — Ташкент.

Но производить нужное впечатление на американских представителей и находить с ними общий язык удавалось не всегда. Так, в январе 1944 г. в Москву приехал заместитель директора по связям с общественностью Л. Грулев. Он встречался с заместителем наркома иностранных дел, директором Совинформбюро С. А. Лозовским и другими ответственными работниками. Стороны, в частности, не пришли к единому пониманию того, как надо подавать информацию о советских делах для простых американцев. Советские представители считали, что надо прежде всего разоблачать фашистские преступления и показывать ужасные последствия войны для СССР. Американец же полагал, что в отношении его соотечественников, сильно отличавшихся от советских людей по своему менталитету, будет более действенным не только показывать фотографии бомбардировок, но и приводить примеры реальной помощи тем, кто пережил этот кошмар. Это могло бы подтолкнуть к оказанию материальной помощи пострадавшим. Более того, в среде советских руководителей даже высказывалось мнение, будто главная цель комитета — самореклама и преувеличение размеров помощи СССР или использование собранных средств для помощи другим союзным странам⁷¹. Но, к счастью, подобные обстоятельства все же не оказали решающего воздействия на комитет «Помощь России в войне» и на его отношения с советскими властями.

Показательно, что как в США супруга президента Элеонора Рузвельт была связана с оказанием гуманитарной помощи Советскому Союзу, так и в Великобритании жена премьер-министра Клементина Черчилль активно занималась такого же рода деятельностью. В 1941 г. она создала и возглавила общественный «Фонд помощи России» при Британском обществе Красного Креста. С 1941 по 1945 г. среди населения Британского содружества фондом было собрано пожертвований на сумму более 7 млн фунтов стерлингов. Причем Клементина Черчилль сама сделала первый взнос и убедила министров возглавлявшегося ее мужем правительства последовать ее примеру. Приобретенные на пожертвования лекарства, медицинское оборудование, протезы для инвалидов, продукты питания, одежда, одеяла и многое другое передавались Красному Кресту СССР.

Уже в самом конце войны, в апреле — мае 1945 г., Клементина Черчилль сама приехала в Советский Союз. В Москве супруге британского премьер-министра был вручен орден Трудового Красного Знамени, которым она была награждена «За выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий по оказанию медицинской помощи Красной армии и советскому народу». В советской столице Клементина Черчилль встретила день Победы⁷².

В первой половине 1944 г. между союзниками продолжалась подготовка к открытию второго фронта. Утвержденный на англо-американской конференции в Квебеке (14–24 августа 1943 г.) план вторжения в Европу через Ла-Манш в 1944 г. содержал такое количество оговорок, что Вашингтон и Лондон имели возможность в любой момент снова отказаться от открытия второго фронта. Вторжение ставилось в зависимость от следующих обстоятельств: если ветер не будет слишком сильным; если прилив будет как раз такой, какой нужен; если луна будет именно в той фазе, какая требуется; если немецкая оборона за время между разработкой плана и его выполнением не будет усилена; если у немцев к тому времени в Северо-Западной Европе окажется не более 12 подвижных дивизий резерва и при условии, что немцы не смогут перебросить с русского фронта более 15 дивизий за первые два месяца и т. п.⁷³

Тем не менее подготовка к масштабной десантной операции через Ла-Манш, которая должна была стать крупнейшей в мировой истории, набирала обороты. Союзники информировали советское военное командование о состоянии дел.

29 февраля 1944 г. исполняющий обязанности главы британской военной миссии контр-адмирал Д. Фишер и глава военной миссии США генерал-майор Д. Дин направили в советский Генеральный штаб письмо, в котором извещали о получении ими указания передавать советской стороне периодические отчеты в отношении развития операций «Пойнтбланк»⁷⁴ и «Оверлорд», которые присылались им начальниками Объединенного штаба.

В первом из этих отчетов содержались сведения о январских бомбардировках Германии с указанием тоннажа сброшенных бомб, оценочного количества жертв, нанесенного жилому фонду и промышленным предприятиям ущерба с разбивкой по городам (пункты 1–4); о ходе подготовки к операции «Оверлорд» (пункт 5); о состоянии британских и американских ВВС (пункт 6); о воздушно-десантных частях (пункт 7); о подготовке морского флота для штурма и сооружение плавучих средств для перевозки десанта на берег (пункт 8); об общей административной подготовке (пункт 9).

Если сведения о бомбардировках были весьма конкретны и развернуты, то информация, касавшаяся операции «Оверлорд», давалась в самой общей форме. Так, девятый пункт включал четыре подпункта. Первый из них содержал следующую информацию: «а) Подготовка районов сосредоточения, пунктов погрузки на суда, складов, мест сборки и районов транзита в центральном районе в основном закончена. Остальные пункты сбора, склады и т. д. строятся. Подготовлен проект плана организации якорных стоянок, порядок плавания судов, транспортных судов и каботажных судов». Следующие подпункты: б) Создание административно-снабженческих частей; в) Материальные ресурсы; г) Гражданский вопрос, были выдержаны в таком же лапидарном ключе⁷⁵.

Готовясь к операции «Оверлорд», союзники не забывали об обещании СССР оказать им в нужный момент серьезную поддержку, развернув наступление на восточном фронте. 10 апреля 1944 г. начальник британской военной миссии генерал-лейтенант М. Б. Берроуз

и начальник военной миссии Соединенных Штатов генерал-майор Д. Дин обратились к начальнику Генерального штаба Красной армии со следующим письмом:

«Дорогой Маршал Василевский, нам поручено Объединенной группой британских и американских начальников штабов информировать Вас как начальника Генерального штаба Красной армии о следующем:

1. Британское и американское верховное командование твердо намерено начать операцию «Оверлорд» 31 мая 1944 года при возможном отклонении от этого срока в 2 или 3 дня в ту или другую сторону, учитывая условия погоды и прилива.

2. В соответствии с обязательством, которое было дано маршалом Сталиным в Тегеране, нам поручено просить Генеральный штаб Красной армии подтвердить понимание британскими и американскими начальниками штабов, что Красная армия начнет в соответствующее время большое наступление, которое поможет англо-американским операциям тем, что оно сдержит максимальное количество германских дивизий на Востоке.

3. Британские и американские начальники штабов будут приветствовать любую информацию, которую советский Генеральный штаб может передать им в отношении планов Красной армии и сроков операций, указанных в параграфе два, выше.

4. Британские и американские начальники штабов снова выражают свое самое глубокое восхищение великолепными успехами Красной армии»⁷⁶.

5 июня 1944 г. генерал-лейтенант, начальник британской военной миссии М. Б. Берроуз и начальник военной миссии Соединенных Штатов генерал-майор Д. Дин сообщили начальнику Генштаба Красной армии маршалу А. М. Василевскому следующее: «Мы получили указание от командования Англо-американского объединенного штаба информировать Вас, что по условиям погоды штурм «Оверлорд» теперь намечается на 6 июня. Если погода не позволит начать штурм 6 июня, то предполагается, что необходимо будет отложить» еще на двадцать четыре часа⁷⁷.

6 июня 1944 г. союзные войска высадилась в Нормандии. Второй фронт был, наконец, открыт. Советское руководство высоко оценило значение этого события.

23 июня 1944 г., выполняя свой союзнический долг, Красная армия развернула грандиозное наступление в Белоруссии. Грядущее поражение Третьего рейха, теперь стиснутого с двух сторон, уже ни у кого не вызывало сомнений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 116.

² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 8. М., 1977. С. 13–15.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 484, 498–499; Т. 2. С. 16–17, 445–446.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 197, 250–251, 372; *Поздеева Л. В.* Канада во второй мировой войне. М., 1986; Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 169–175.

⁵ Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 172–173.

⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1946. С. 79–85.

⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 22, 189–192, 195.

⁸ *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 269.

⁹ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 124–125.

¹⁰ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71, 166–176; История европейской интеграции (1945–1994). М., 1995. С. 17–29; Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 223–256.

¹¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999. С. 23–48.

¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41.

¹³ Там же. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 1–41.

¹⁵ Там же. Л. 41.

¹⁶ Там же. Л. 39–40.

¹⁷ Например, в беседе с И. В. Сталиным британский министр иностранных дел А. Иден 16 декабря 1941 г. сделал весьма примечательное признание: «Британское правительство до сих пор всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от советского правительства» (Документы внешней политики СССР. 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. Т. XXIV. М., 2000. С. 501–510).

¹⁸ Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. С. 223–256.

¹⁹ *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 гг. М., 2009. С. 64; *Филитов А. М.* «Комиссия Ворошилова» — ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 2. С. 37–44.

²⁰ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 348–349.

²¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 165–167.

²² Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 169–171.

²³ Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 136–143.

²⁴ На Западе тоже понимали важность этого первого опыта. Генерал Д. Эйзенхауэр в феврале 1943 г. предвидел особую значимость взаимодействия антигитлеровской коалиции в Италии: «Здесь неизбежно будет создан прецедент далеко идущего по объему и важности взаимодействия, которое послужит примером для дальнейшего сотрудничества в Европе» (*Уткин А. И.* Мировая холодная война. М., 2005. С. 15).

²⁵ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. С. 351–352.

²⁶ Там же. С. 349–351; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1984. С. 424.

²⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 56–57; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 66–67.

²⁸ *Уткин А. И.* Указ. соч. С. 16.

²⁹ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 123–132.

³⁰ Независимое военное обозрение. 16 сентября 2011 г.

³¹ *Roberts G.* Stalin's Wars: From World War to Cold War 1939–1953. Yale, 2008. P. 176.

³² Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 129–130.

³³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 2. С. 57–59; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 67–69.

³⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 59–60.

³⁵ Там же. С. 59–61.

³⁶ Там же. С. 62–64, 685.

³⁷ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 380–381.

³⁸ *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 551.

³⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. С. 373–376.

⁴⁰ Там же. С. 377–378.

⁴¹ Там же. С. 693–694.

⁴² Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 151–165.

⁴³ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 56. П. 15. Д. 40. Л. 38.

⁴⁴ См.: Военно-исторический журнал. 1972. № 4.

⁴⁵ *Широкоград А. Б.* Италия. Враг поневоле. М., 2010. С. 240–253.

⁴⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 84, 86.

⁴⁷ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. С. 147–148.

⁴⁸ *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 2013. С. 329.

⁴⁹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. С. 161–162.

⁵⁰ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 470–471.

⁵¹ Там же. С. 472, 475–476, 526–528.

⁵² Там же. С. 488.

⁵³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 223–225; Т. 2. С. 119–121.

⁵⁴ *Atkinson R.* The Day of Battle. The War in Sicily and Italy. 1943–1944. N. Y., 2008. P. 244.

⁵⁵ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. Т. 5. Кольцо смыкается / Пер. с англ. М., 2010. С. 113.

⁵⁶ *Прокачки Д.* История итальянцев / Пер. с ит. М., 2012. С. 511.

⁵⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 224; Т. 2. С. 120.

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 227–229; Т. 2. С. 121–123.

⁵⁹ У. Черчилль — Ф. Рузвельту: «Само собой разумеется (!), что это будут преимущественно старые эсминцы, те, которые мы получили от вас... Тем не менее они вполне пригодны, могут нормально двигаться и сражаться» (Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 486).

⁶⁰ Дашьян А. В., Патянин С. В., Митюков Н. В., Барабанов М. С. Флоты второй мировой. М., 2009. С. 216, 219, 225, 232.

⁶¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 246, 249–252.

⁶² Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 330.

⁶³ Данин Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 334.

⁶⁴ Васильев А. М. Линейный корабль «Архангельск» // Гангут. 2001. № 27. С. 48–65; Платонов А. В. Как Северный флот пополнился линкором // Гангут. 2008. № 50. С. 87–99; Харламов Н. М. Трудная миссия. М., 1983.

⁶⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 226–227, 229–230.

⁶⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 336–340.

⁶⁷ Российская история. 2012. № 3. С. 107; Болотов С. В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М., 2011.

⁶⁸ Российская история. 2012. № 3. С. 109.

⁶⁹ Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. М., 2009. С. 212.

⁷⁰ Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 84–95.

⁷¹ Там же. С. 95–96.

⁷² Памятная доска с именем Клементины Черчилль установлена на здании Центральной городской больницы № 1 г. Ростова-на-Дону — одной из двух больниц, для которых в апреле 1945 г. во время посещения СССР она привезла с собой оборудование на сумму 400 тыс. фунтов стерлингов (в комплект входило буквально всё, от медицинской аппаратуры и медикаментов до кроватей для больных и инвалидных колясок, отделочных материалов, халатов, полотенец и т. п.) // Торгово-промышленные вести (Ростов-на-Дону). Май 2008 г.

⁷³ Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М., 1947. С. 43–44.

⁷⁴ Операция «Пойнтбланк» (англ. Operation Pointblank) — кодовое название первой стадии совместных стратегических бомбардировок Германии и Франции силами ВВС Великобритании и США в период, предшествовавший Нормандской операции.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 6. П. 24. Д. 249. Л. 3–9.

⁷⁶ Там же. Л. 1.

⁷⁷ Там же. Л. 10–11.